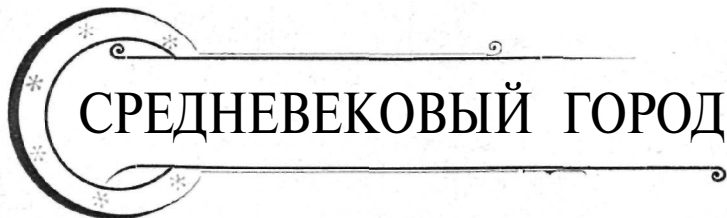

К. А. ИВАНОВ.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД

и

ЕГО ОБИТАТЕЛИ.

Издание 2-ое, дополненное.

с 22 РИСУНКАМИ.

Предисловие к 1-му изданию. — Предисловие ко 2-му изданию. — Город спит. — Город пробудился. — Городской совет. — Бюргерский дом. — Свадьба. — Цехи. — Самобичевальщики - флагелланты. — Городские увеселения. — Волшебство и тайная философия. — Список рисунков.

С.-ПЕТЕРБУРГ.

Склад издания в "ПЕТЕРБУРГСКОМ УЧЕБНОМ МАГАЗИНЕ", Петербургская ст., Большой пр. 6.

1900.

Дозволено цензурой. С.-Петербург, 12 июля 1899 года.

Типо-литография М. П. Фроловой. Галерная ул., д. № 6

Предисловие к 1-му изданию.

Предлагаемые очерки, представляя совершенно самостоятельное целое, примыкают в то же самое время, по содержанию своему, к другой серии очерков, изданной нами под заглавием „Средневековый замок и его обитатели“. Очерки, составляющие содержание настоящего издания, изображают важнейшие бытовые стороны германского города в XIV—XV столетии. При составлении их нам приходилось пользоваться произведениями немецкой исторической литературы: монографиями, относящимися к отдельным городам, сочинениями по истории германских городов вообще, по истории искусств и культуры в Германии. Кроме того, большим подспорьем были для нас миниатюры, украшающие средневековые манускрипты. В этом отношении оказало нам немалую услугу роскошное издание Alwin'a Schultz'a, „Deutsches Leben im XIV und XV Jahrhundert“, заключающее в себе массу ценных снимков.

Вряд ли есть необходимость говорить о важности ознакомления лиц, обучающихся истории, с бытовой стороной её. Важность эта сознается всеми. Говорить о феодалах, о рыцарях, о горожанах в средние века, о цехах и не иметь о них конкретного представления, по меньшей мере, — нежелательно. Между тем, ввести бытовую

отдел в учебное руководство, положительно, невозможно. Этому служат помехой и особенные свойства материала, входящего в названный отдел, и размеры руководства. Таким образом, все, рисуящее бытовую сторону, должно послужить материалом для специальной книги. Это обстоятельство и побудило нас предпринять издание, в котором последовательно раскрывались бы перед учащимися, а также перед лицами, ищущими самообразования или пополнения своих знаний, важнейшие стороны средневекового быта.

Питаем надежду, что настоящий, второй выпуск нашего издания встретит те же многочисленные сочувственные заявления, которых удостоился наш „Средневековый замок“.

С.-Петербург.

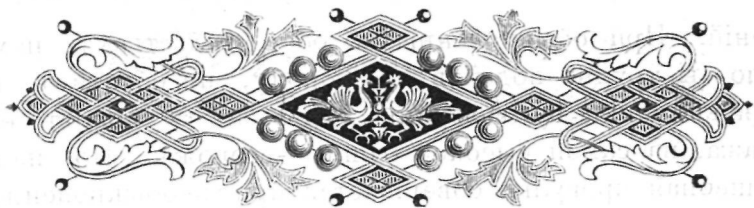
24 апреля 1894 года.

Предисловие ко 2-му изданию.

Приступая ко второму изданию настоящей работы, автор внимательно просмотрел ее и проверил обстоятельным осмотром исторических памятников одного из средневековых городов. Не встретив надобности в каких-либо исправлениях, он не сделал никаких изменений в тексте, кроме последнего очерка, в который привнес некоторые дополнения. Число рисунков увеличено шестью. В конце книжки помещен список рисунков.

Дер. Везо (Эстл. губ.).

17 июня 1899 года.

Город спит.

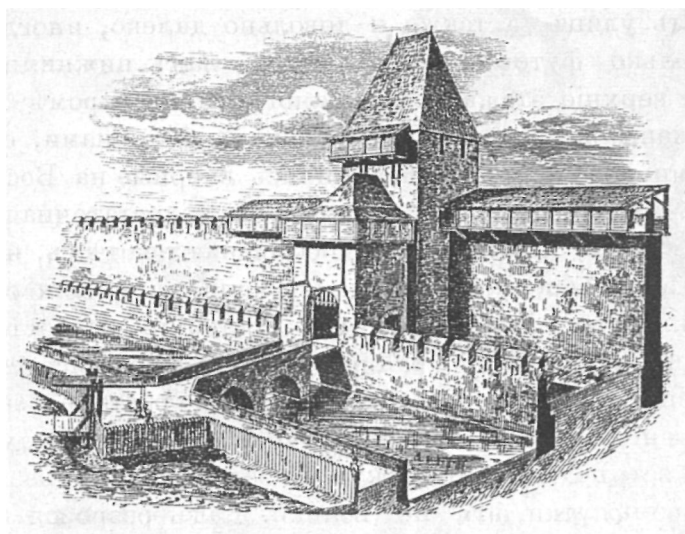

Перенесемся воображеньем за пять столетии назад и представим себе, что мы подходим к средневековому немецкому городу в ясную, лунную ночь. Вот, он обрисовался перед нами на светлом фоне неба, и кажется, что с каждым нашим шагом он надвигается на нас своими могучими стенами, своими высокими башнями. По левую сторону от нас, весело шумя, бежит извилистая река; серебряная полоса, брошенная на её поверхность месяцем, сопутствует нам. За рекой — поле, побелевшее от росы, за полем чернеется лес. Направо от дороги поле постепенно поднимается и переходит в возвышенность, на которой также чернеются леса. В двух-трех местах резко выделяются замковые башни и стены, где-то мельницы лениво ворочают свои неуклюжие крылья. Наша дорога, кое-где окаймленная деревьями, мало-помалу поднимается в гору. Река убегает далеко в сторону. Вот, мы уже не видим ничего более, кроме массивных стен города; город всецело поглощает наше внимание. Если бы мы взобрались на соседнюю возвышенность и оттуда взглянули на средневековый город, последний поразил бы нас многочисленными башнями: башни на стенах, башни внутри города, вот — ратуша, новый собор, старые церкви, остатки прежних укре-

плений. При обыкновенных обстоятельствах нам было бы трудно подойти к городу, не обратив на себя внимания, не возбудив тревоги. У ворот его стража, на самой высокой башне — сторож. Но наша волшебная прогулка совершается при необыкновенной обстановке. Представим себе, что стражи нет на своих местах, что даже ворота открыты, что все вокруг нас погружено в волшебный, заколдованный сон.

Отчего же вдруг содрогнулось наше сердце? Что смутило его? Пред нами — лобное место: высокий каменный помост, а на нем — три каменных столба, соединенные наверху поперечными деревянными балками. Здесь вешают, обезглавливают, четвертуют и иными, ужасными способами лишают людей жизни. Теперь лобное место пусто, но недаром налетают сюда целые стаи хищных воронов, набегают сюда целые стаи хищных зверей. Зловещее карканье часто оглашает это пустынное место, а по ночам нередко здесь собираются волки и задают свой раздражающий душу концерт. Представьте себе темную, грозовую ночь. Вот блеснула ослепительная молния и на одно мгновение озарила лобное место: на перекладинах висят трупы, на высоком шесте наложено колесо, а на нем — остатки человеческого тела, на зубцах стенной башни — черепа казненных, и долго будут стоять они там, до тех пор, пока не высохнут, не рассыплются на части. Холодная дрожь пробегает по вашим членам, какие-то сказочные ужасы восстают в памяти. Такой же трепет испытывали вы, забившись с ногами в теплый уголок постели и слушая страшную сказку старушки-няни, а сумерки набрасывали все более и более густые тени в углы горницы. Но гоните прочь мрачные думы! Ни грозы, ни казненных сегодня нет. „На раздолье небес светит ярко луна“.

Оставив лобное место, мы подходим к самому городу. На первом плане — деревянный частокол. Но, не довольствуясь им, горожане засадили внешнюю окрестность города колючими кустами. Проникнем за эту ограду по переброшенному через внешний ров подъемному мосту *), — сегодня для нас все открыто. Вот, мы и за оградой. Перед нами — широкий, наполненный водою ров. Каменный мост, построенный над ним, не доведен до главных ворот. Через образовавшийся благодаря этому обрыв пере-

кинут новый подъемный мост. В обе стороны от главных городских ворот поднимается сравнительно невысокая, каменная зубчатая стена, а за ней — другая, на этот раз очень высокая. На ней стоят квадратные и круглые башни с зубцами. На некоторых из башен сверкают позолоченные кресты. Над воротами поднимается главная стенная башня. Эти ворота облицованы глазированными цветными кирпичами —

*) Об устройстве подъемных мостов см. нашу книгу: „Средневековый замок и его обитатели“.

зелеными, черными, белыми. Огромная железная решетка, которую обыкновенно спускали, для преграждения входа, из поперечного отверстия в своде ворот, теперь поднята, и мы свободно проникаем за крепкие городские стены.

Сегодня, против обыкновения, улицы спокойны: не слышно в ночном воздух ни серенады, ни криков знатной молодежи, ни стука мечей. Харчевни закрыты. Мирно почивает средневековый город в голубоватом сиянии луны. Но не всюду проникают лучи её. Преградой для неё служит прежде всего узость улиц, а также и довольно далеко, иногда на несколько футов, выступающие над нижними этажами верхние этажи. Очень многие дома, кроме того, снабжены выдвигающимися вперед балконами, с которыми европейцы познакомились впервые на Востоке, во время крестовых походов. И недостаточная ширина улиц, и эти выступы объясняются тем, что в городе, стесненном стенами, мало места для обитателей. Город, не будучи в состоянии разрастаться в ширину, или, по крайней мер, разрастаясь с величайшим затруднением, успешно растет вверх. Население необыкновенно скучено. Правда, между домами встречаются промежутки, засаженные деревьями, но промежутки эти не велики. Как разросся наш город в последнее время, как разбогател! А, кажется, еще недавно, не смотря на свои внушительные стены, он представлял огромное село с маленькими, крытыми соломою домишками. И долго горожанин не расставался со своими сельскими привычками. Теперь эти привычки стали заметно пропадать. Бывало, по всем улицам разгуливали свиньи и всякий домашний скот. Сами улицы были ужасны своей грязью. Да, и теперь мостовая появилась только кое-где, только перед домами знатных и богатых граждан. На наше счастье уже несколько недель стоит сухая по-

года. Но, если бы вы пожаловали сюда в дождливую пору, вы махнули бы рукой и ушли, не осмотрев города. Взгляните на этот богатый дом: на остроко-
нечной черепичной кровле его — жестяной флюгер,
над окованной железом дверью прибиты олени рога...
А видите вы эти желобы, оканчивающиеся разинутыми

львиными пастьями? Из них в дождливую пору вода
выбрасывается на самую середину улицы и скапливается
здесь в грязные лужи. Впрочем, значительную часть
воды заставляют литься в особенные водовместилища.
Если такая погода выпадает на какой-либо праздник,
то монахи ближнего монастыря откладывают назна-
ченные заранее церковные процессии, по случаю „улич-

ной грязи". Члены городского управления (ратманы) отправляются тогда в ратушу в „деревянных башмаках", надетых на обувь. Эти „башмаки" играли роль современных галош и снимались с ног при входе в здание ратуши. Собственно говоря, эта дополнительная обувь вовсе не была башмаками, хотя и называлась так: она представляла собою просто деревянные подошвы, прикреплявшиеся ремнями к сапогу, напоминая таким образом древние сандалии. Знатных и богатых людей, в случае особенно большой грязи, носят на носилках. Уличная грязь особенно увеличивается еще оттого, что, не смотря на строгие постановления и требования рата (городского совета), жители города никак не могут расстаться со своими крайне неудобными для общежития привычками: все лишнее, все ненужное, без зазрения совести, выбрасывается ими на улицу. Только в особенно важных случаях улицы средневекового города закидывались щебнем или устилались соломой, причем каждый из городских обывателей покрывал соломой часть улицы, прилегающую к его жилищу.

Большинство домов — деревянные, с кровлями, покрытыми гонтом и круто спускающимися в правую и левую стороны. Многие из них напоминают своим видом швейцарские домики. Внизу — просторные сени, отсюда поднимается лестница в первый этаж. Первый этаж далеко выступает на улицу своей деревянной галереей. Лунные лучи играют на десятках круглых стеклышек, вставленных в оконные рамы. Крытая гонтом кровля образует большой навес над галереей и прекрасно защищает ее от дождя и снега.

Легко загорающийся материал этих построек, узость улиц были причинами страшных пожаров, опустошавших в продолжение одного столетия по несколько раз один и тот же город. С быстро-

тою молнии охватывало пламя деревянные стены и кровлю дома, с быстротою молнии перебрасывалось с балкона на противоположную сторону улицы, овладевало целым рядом домов, уничтожало жилища богачей, обвивалось вокруг колокольных башен, растапливало колокола, пожирало склады дорогих товаров и несло, все несло вперед, пока не встречало себе преграды в городской стене, Неистово звучал пожарный колокол, но никто не думал заливать пожара, всякий стремился выбраться на волю, убежать от огненного чудовища, спасти свою жизнь.

Помимо несчастных случайностей, производивших пожары, враждующие партии нередко сами поджигали дома своих противников. Для предупреждения этого, не только поджигателям, но и тем, кто грозился поджогом, назначалась огненная казнь: их заколачивали в бочки и после того сжигали. Но случалось, что значительная часть города погорала вследствие заведомо небрежного обращения его обитателей с огнем. Дело в том, что, несмотря на скученность населения, на узость улиц, жители средневекового города иногда предавались безрассудным забавам. Достаточно отметить одну из них, а именно танец с факелами в руках. Городские правители, конечно, стали запрещать подобные забавы. Вместе с тем они начали обязывать некоторых ремесленников, в случае пожара, доставлять воду, других — помогать тушению.

Скученность строений имела еще и другие последствия: в средневековых городах необычайно свирепствовали разные эпидемические болезни, как, напр., черная смерть, проказа, чума и другие. От черной смерти, пронесшейся над Европой в половине XIV века, особенно пострадали города: в Бремене умерло 7000 человек, в Любеке 9000, в Базеле 14000, в Эрфурте 16000 и т. д. Мертвецов не успевали хоро-

нить обыкновенным порядком, а зарывали их в общие ямы: многие городские жители убегали из своих городов. Но обратимся от этих ужасов к тому, что окружает нас. Луна ярко освещает изредка попадающиеся между домами небольшие незастроенные пространства. Пространства эти засажены овощами и любимыми цветами средневековых дам — розами, лилиями, гвоздиками и фиалками.

А было время, когда в городе оставались еще от стародавней поры виноградники, большие сады, даже пашни. Все это исчезло. Остатками от той поры являются 2—3 монастыря и рыцарский замок. Они окружены толстыми стенами с бойницами. Невольно представляешь себе, что они ждут какого-либо возмущения, внезапного нападения и всегда готовы потушить и отразить их. Лунный свет и фантастические тени сообщают им что-то живое, одушевленное. Кроме их стен, поперек города тянется постепенно обваливающаяся старая городская стена с не закрывающимися воротами: она указывает на прежнюю окружность города. Теперь город расширился, опоясался новыми, крепкими стенами, и эта старая поперечная стена стоит уныло, как памятник над могилой минувшего. Она кое-где дала трещины, в изобилии покрыта плесенью, и плющ, отыскивая для себя благоприятную почву, все шире и шире расплзается по её разрушающейся поверхности. Из тления здесь зарождается новая жизнь.

Совершая прогулку по средневековому городу, вы тщетно искали бы на домах того, что нам кажется столь необходимым, к чему мы так привыкли, — номеров. Взамен номеров на каждом доме помещается над входом щит, а на нем намалевано какое-нибудь изображение. Вот — красный медведь, здесь — волк, там — лебедь, полумесяц, золотая звезда, золотой меч и т. п. По этим-то изображениям и раз-

личали тогда дома. В наше время много значит также фамилия домовладельца; в ту пору фамилий еще не было, а дом и его владелец носили одно и то же прозвище. Отсюда образовались со временем и настоящие фамилии. В нижних этажах домов помещаются лавки, сараи, погреба. Если бы мы могли загля-

нуть в один из последних, мы увидели бы, что он весь заставлен бочками с вином, которым, между прочим, торгует наш город. На самой середине погреба устроен в полу каменный бассейн. куда должно слиться вино в том случае, если бы лопнула какая-либо из бочек.

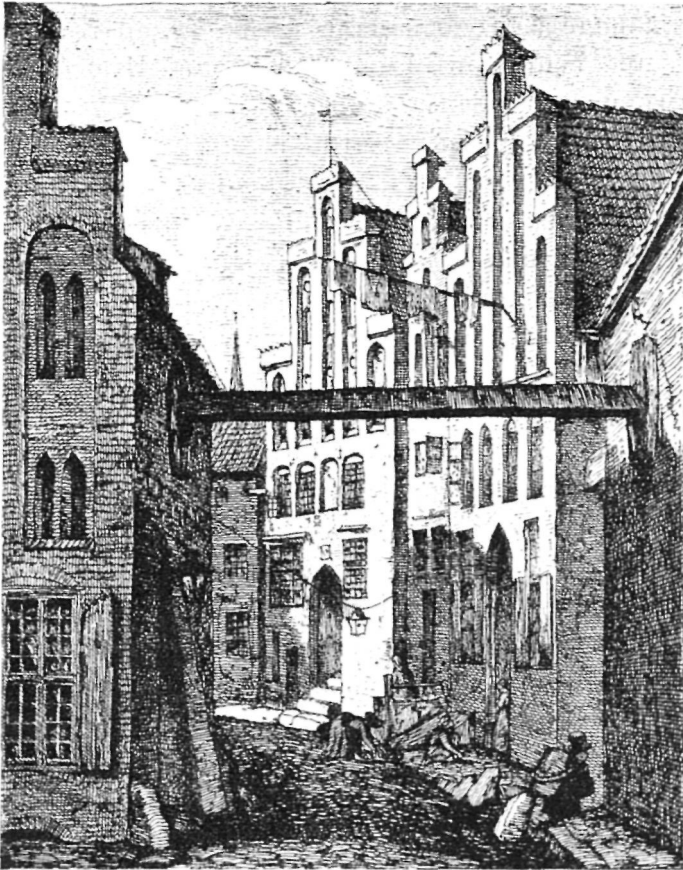
Мы движемся вперед по извилистой улице то в полной тени, то в лунном сиянии. Кое-где нам приходится отступать от домов, так как весьма опасной преградой для путника могут служить выходы у погребов: провалиться в подобный выход совсем не трудно. Где-то лают собаки. Никто не встречается нам. Не видать даже недавно заведенного патруля ночных сторожей. Надо полагать, они мирно спят где-нибудь на перекрестке, а их дубины, алебарды, трещотки и погашенные фонари расположены около них на земле. Не даром же эти патрули не пользуются почти никаким уважением и подвергаются всяким насмешкам. Можете представить себе, какие безобразия творятся на улицах в темные ночи? Город наш еще совсем не освещается. Только в редких случаях вывешиваются у домов фонари или просто вставляются смоляные факелы в особенные, сделанные для этой цели, железные ручки. Во время пребывания в городе императора они зажигались у каждого дома *). В обыкновенное же время обыватели выходят ночью на улицу с фонарями в руках. Двигаясь все вперед, мы наталкиваемся по временам на колодцы с поперечным вращающимся бревном, перекинутой через него цепью и двумя ведрами, прикрепленными к концам этой цепи: при вращении бревна, одно из ведер поднимается вверх, а другое спускается в глубину колодца.

Но, что это? Поперек улицы перекинута тяжелая цепь. Она заперта с двух сторон на замки. Такие цепи перегораживают и другие улицы, а делается это для того, чтобы воспрепятствовать конным толпам,

*) Об уличных фонарях в Париже сообщается в 1669 году, как о новости, в следующих выражениях: „les chandelles que l'on met tous les soirs dans le grand nombre des lanternes, qui ornent depuis un temps toutes les rues de Paris, commençoient a eclairer ceux, qui vont la nuit sans flambeaux”.

на случай какого-либо возмущения. Нам эти цепи помешать не могут. Двигаясь по неровным и большей частью немощеным улицам, не отличающимся при том правильностью наших улиц, мы подходим к площади.

Так вот это здание, которое издали обращало на

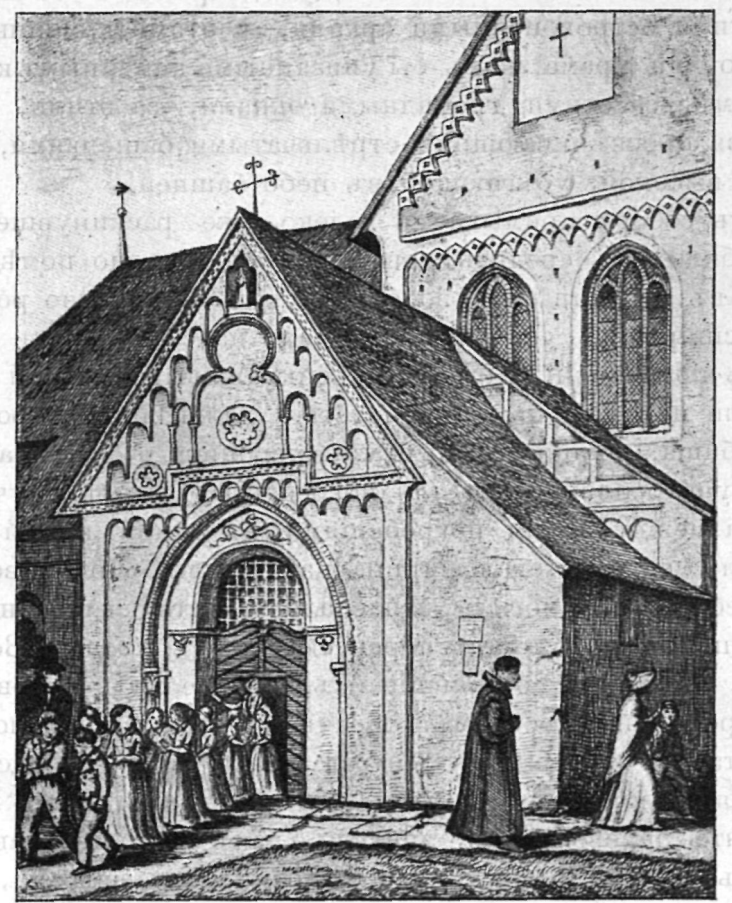
себя наше внимание! Гордо поднимается к ночным небесам стройная башня городской ратуши. На верхушке её — сторож, но он не видит нас. С этой башни в критические минуты городской жизни раздаются звуки набатного колокола: они оповещают о пожаре, созывают вооруженных граждан и мирным

тоном напоминают о времени тушения огней в домах обывателей. Тут же недалеко от ратуши (места заседания городского совета или рата) поднимается, облитая лунным сиянием, довольно грубо высеченная из камня фигура мужчины; в её руке — обнаженный меч. Это — Роландова колонна (Rolandssäule). Полагают, что такие статуи были символами уголовного судопроизводства, обозначали право судей города подвергать преступников смертной казни. Взгляните мимоходом на эту клетку и на этот столб. В первую сажают пьяниц, у второго производят сечение розгами. До нашего времени сохранилась, между прочим, миниатюра, изображающая последнее наказание *). У столба, стоящего на площадке со ступеньками и увенчанного на верху распятием, два представителя исполнительной власти, крепко держа виновного одной рукой, бьют его розгами по спине. На ступенях стоит человек, наигрывающий на трубе, очевидно, с целью заглушить крики жертвы. А вокруг собралась толпа, которая с величайшим интересом следит за наказаньем провинившегося; толпа во все века и у всех народов оставалась верна своему характеру. Любопытно, что в числе зрителей находится родитель или педагог с двумя мальчиками; подобное зрелище считалось тогда назидательным. Что бичевания имели тяжелые последствия, в этом едва ли можно сомневаться. Достаточно указать на тот факт, что лица, подвергавшиеся бичеванию в Нюрнберге и приговоренные к высылке из города, имели право оставаться здесь в продолжение трех дней для заживанья рубцов. Другим видом торговой казни, т. е. наказания на торгу или площади, было сажание винов-

*) Весьма многие из средневековых рукописей украшены большими рисунками или миниатюрами. Миниатюры не только раскрашивались цветными красками, но нередко покрывались богатой позолотой.

ных в клетки на всеобщее посмешище. Лица, подвергавшиеся этому виду наказания, сажались целыми рядами. Движения их были стеснены: руки связаны, а ноги ущемлялись деревянной колодкой. Зной или непогода еще более увеличивали их страдания *).

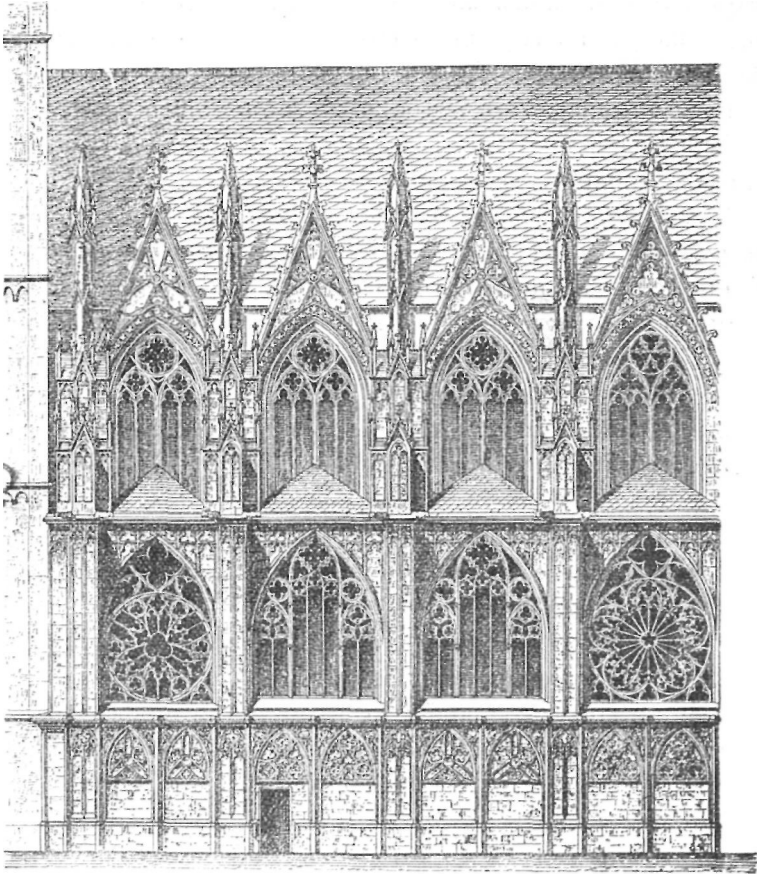
Площадь обстроена со всех сторон. Против ратуши возвышается собор во имя Пресвятой Девы

*) Русские историки смотрят на торговую казнь, существовавшую на Руси, как на одно из последствий татарского ига: Запад не знал последнего, а между тем торговая казнь существовала и там, а своей жестокостью нисколько не уступала нашей.

Марии. Величественно, как бы в молитвенном порыве, вздымает он к полному небу свою остроконечную башню. Этот собор — истинное украшение города и гордость населения его. Немало было принесено им жертв, чтобы построить здание, достойное своего высокого назначения. Душа стремится к небу за этими остроконечными арками, за этими каменными подпорами храма, как бы униженными каменным кружевом, за этими громадными окнами, за этими, насквозь просвечивающими стрельчатыми башенками, за этой высокой, убегающей в небо башней!

К собору примыкает далеко уже раскинувшееся кладбище. В средневековых городах оно помещалось в середине или вообще внутри города. Оно росло и расширялось, пока не встречало на своем пути жилых помещений. Когда постройки живых людей полагали непреодолимое препятствие дальнейшему росту кладбища, покойников стали хоронить в могилах, уже употреблявшихся для погребения. Бывали случаи, когда между двумя погребениями в одной и той же могиле едва истекало тринадцать лет. При новом погребении из могилы извлекались кости её прежнего жильца и благоговейно переносились в *ossarium* (Weinhaus, ossarium), состоявшие из подземелья и часовни, выстроенной над ним. Заглянем в кладбищенские ворота, за эту каменную ограду. Вот оно — городское кладбище, залитое лунными лучами. Таинственно шелестят деревья своей листвой, как будто передают друг другу тайны, погребенные здесь вместе с усопшими людьми. Пестреют цветы. Большей частью над местом успокоения лежит толстая каменная плита с простой, но выразительной надписью — *requiescat in pace* (да почивает в мире!). Между могилами только одна обращает наше внимание своей высокой насыпью: здесь похоронена какая-то убитая девушка, над могилой которой, по общему убеждению, совер-

шаются различные чудеса. Над двумя-тремя могилами виднеется изображение чаши: здесь погребены духовные лица. Местами поднимаются и распятия. Над могилой какого-то богатого человека стоит распятие, а по сторонам его изваяния, изображающие Пресвятую

Деву Марию и любимого ученика Христова Иоанна. Впрочем, люди богатые и знатные хоронились или в особых капеллах (часовнях, небольших церквках), или внутри церкви. Для детей на этом же кладбище находится особое отделение; впрочем, ро-

дителям не вменялось в обязанность хоронить своих детей непременно в этой части кладбища: они могли хоронить их где угодно.

Между ратушей и собором блестит при луне искусственный бассейн. В его спокойной воде отражаются старые липы, как живые памятники того времени, когда на месте города было раскинуто село, „когда лесные пташки распевали на ветвях, на которых садятся теперь лишь воробьи да в зимнюю пору вороны". Несколько тополей раскинули по площади свои длинные тени.

Тут же неподалеку, на светлой площади, обращаешь на себя наше внимание недавно выстроенный колодец с водоподъемной машиной. Повернем кран. Посмотрите, как горит озаренная лучами месяца чистая струя воды. Брызги её рассыпаются, как алмазы. Над ней возвышается что-то вроде сквозной часовни, с высокой остроконечной кровлей, со стрельчатыми арками и фигурами под ними.

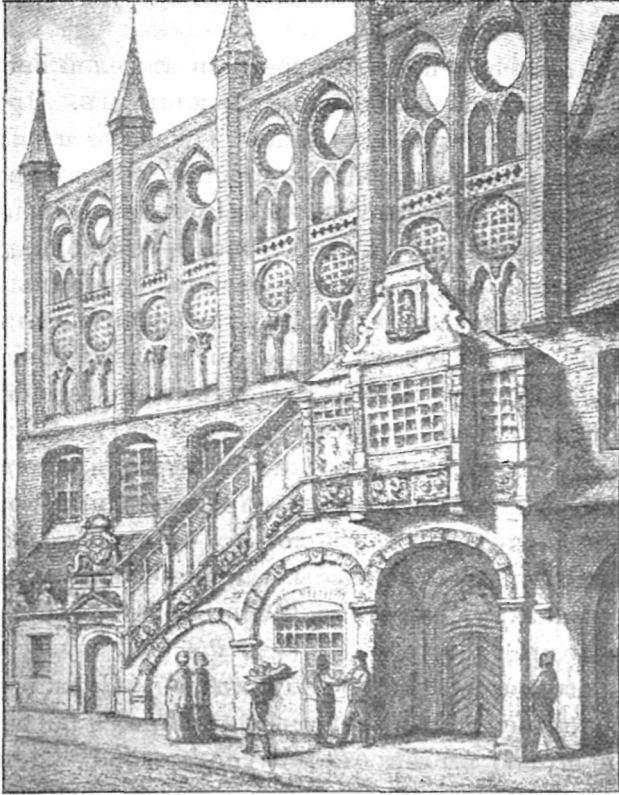
Наискось собора стоят торговые ряды, выстроенные из камня. Днем здесь — толкотня и оживленные речи. Городские весы, теперь спокойные, непрерывно действуют днем.

Мы проходим через площадь, освещенную луною; с нами движутся и наши тени.

Мы покинули городскую площадь и снова пошли бродить по извилистым улицам города. Главных улиц четыре: они в форме креста расходятся от площади по направлению к четырем странам горизонта. Эти четыре улицы ведут к четырем городским воротам, каждая из них пересекается другими, второстепенными улицами. Городские обыватели, занимающиеся одним и тем же делом, селятся на одной и той же улице. Сами улицы прозываются большей частью от имени того ремесла, которым занимаются их обитатели; так, наприм., кузнечная улица и т. под. Духовенство жи-

вет вокруг церквей. Встречаются улицы, населенные семьями одного и того же рода. Иностранцы также селятся отдельно. Евреи имеют свой квартал.

Таким образом мы познакомились немного с внешним видом средневекового города. Перед нами — только абрис, только фон. Чтобы представить себе

полную картину, чтобы переноситься воображением в любое время в средневековый город, следует посмотреть на него при блеске солнца, при дневной суете, следует присмотреться к населению его, пережить с ним и горе, и радость, и праздники, и будничные дни. Тогда на этом общем фоне нарисуетя перед нами отчетливая и верная картина средневекового города.

Город пробудился.

Ночь убегает от светлого дня;
 Добрые люди, восстаньте от сна,
 Господу Богу воздайте хвалу:
 Слава и честь подобает Ему! *)

Так пропели ночные стражи и тяжелой поступью направились к своим жилищам. Прохладно. С каждой минутой светает сильнее и сильнее. Поле, лес, река, городские стены, постройки облекаются в свои обычные цвета. Вот зазвучали рога со стенных башен, с колоколен — колокола. „Звук колоколов мил сердцу горожанина, говорит один немецкий исследователь, колокол звучит для него всю жизнь, как звучал для его предков. Внизу непрерывно меняется суeta людская, а с высоты постоянно зовет к людям один и тот же голос, горячо беседуя с ними высоким тоном, или медленно раскачиваясь и потрясая их слух низкими тонами". Горожанин считал свои колокола чуть ли не живыми существами, он склонен был приписывать им таинственную жизнь, давал им имена людей (напр. Анна, Сусанна и др.).

Скоро город начал пробуждаться. Свежий утренний воздух огласился звуками пастушьих рогов. Радостно и шумно выбегают на улицы города домашние животные: коровы, свиньи, особенно много последних.

*) В Любеке еще сравнительно недавно ночные стражи пели старинную песнь:

Gelobt sei Gott der Herr,
 Ihn gescheh' Lob, Preis und Ehr...

А поутру, когда приходил конец их страже, они пели:
 Der Tag vertreibt die finstere Nacht,
 Jhr lieben Christen seid tnunter und wach
 Und lobet Gott den Herrn.

Все это направляется по узким и извилистым улицам к городским воротам, чтобы провести целый день в цветущей окрестности города.

Но село и тогда пробуждалось раньше города. В последнем еще звучала простая мелодия ночных стражей, а сельские обитатели уже потянулись с различных сторон к городу. И теперь перед воротами его остановились длинные вереницы телег и повозок с деревенскими произведениями. Хотя горожане еще не бросили совершенно сельского хозяйства, но заметная прибыль населения и увлечение его промышленностью обрабатывающей и торговлей заставляли их нуждаться в селе. И вот, представители деревни столпились перед городскими воротами: тут и неуклюжий крестьянин в поярковой шляпе, и цветущая здоровьем крестьянская девушка с заплетенными косами. Чего тут нет? У девушек на головах и в руках кувшины с молоком, корзины с яйцами и маслом, с курами и голубями. Несколько крестьян пригнали на продажу свой скот. Резко кричит нагруженный чем-то осел. На повозках зелень, зерно, рыба, дичь. За ними целая вереница возов с дровами. Городские чиновники уже здесь: они должны следить за тем, чтобы товар, привезенный поселянами, не скупался перекупщиками; вместе с тем они тщательно осматривают все привезенное. Если обнаруживался какой-либо обман, совершивший его наказывался здесь же немедленно. Наказание состояло главным образом в уничтожении товара, найденного недоброкачественным. Так например, худое вино, худое пиво выливались на дорогу. Но, сверх этого, в некоторых случаях подвергалась наказанию и сама личность обманщика. Дурной хлеб уничтожали, а с хлебником поступали весьма сурово: его кидали в реку. На стуле, под навесом, уселся сборщик пошлин. Около него — стол. Левой рукой сборщик держит кожаный мешок, а правой склады-

вает в него поступающее сборы: плату за проезд в ворота и пошлину с товара. Один из возов, покрытый полотном и запряженный несколькими лошадьми, подъехал к городу в сопровождении вооруженных всадников, нанятых у какого-нибудь землевладельца для защиты товара от всяких посягательств со стороны нечестных людей. Из городских ворот выехал со своими работниками богатый горожанин, давно уже поджидавший заказанного им товара. Вот, он весело направляется к вооруженному отряду, расплачивается с ним, и воз медленно вкатывается в городские ворота. Сколько суматохи, сколько шуму! Навстречу въезжающим в город попадают телеги и повозки с товарами, отправляемыми за черту города, попадают кое-какие горожане, еще не бросившие сельского труда: с лошадью и плугом выезжают они на соседнюю пашню.

Город все больше и больше просыпается. Со всех сторон спешат к колодцам девушки с кувшинами и ведрами. Весельем и свежестью дышать их лица, далеко разносится их громкий смех, их разговор. Другие девушки вынесли из домов корыта, лохани и бодро принялись за стирку перед домами, на открытом воздухе. Более грубые вещи стираются в щелоке, более тонкие — в мыльной воде; некоторые усердно работают колотушками. Выстиранное белье они набрасывают на жерди; озаренное яркими солнечными лучами, оно сверкает ослепительной белизной и колеблется под дуновением утреннего ветерка. Тот же утренний ветерок подхватывает и уносит далее простые мелодии их песен. Вот проходит мимо целая толпа рабочих с лопатами, топорами, молотами и другими инструментами. Их шутки вызывают бойкие ответы со стороны работниц. Из соседнего дома вышел сапожник и поместился со своей дратвой тут же на улице, перед домом; на противоположной сто-

роне, не обращая никакого внимания на прохожих, усердно работает своим молотом кузнец; там оружейник возится с рыцарскими доспехами, сверкающими под лучами солнца... Окно его рабочего помещения открыто настежь. Снаружи примыкает к нему широкий подоконник; на нем возвышается манекен вооруженного рыцаря, и разложены некоторые части рыцарского вооружения. Оружейник поместился у окна, внутри мастерской, и, кажется, позабыл все на свете

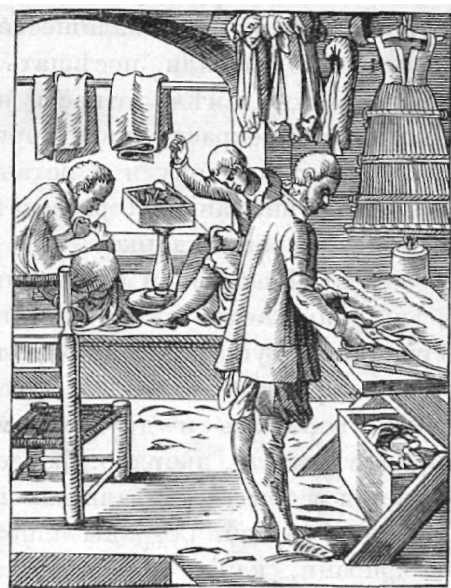
для своей работы. Булочник вынес свои товары из магазина и разложил их на столе, поставленном у самых дверей, а над дверьми красуется увенчанный короной крендель, его поддерживают два льва, у каждого из них по мечу в лапе. Булочник, впрочем, далеко не представляет исключения. Обычай выставлять свои товары за дверьми лавок, на самой улице, был очень распространен среди торговцев средневекового города. С этой целью у очень многих лавок устроены

навесы над частью улицы, прилегающей к лавке *). Эти навесы достигают своей цели, т. е. защищают разложенные под ними товары от дождя, но в то же время отнимают довольно много дневного света. Если рабочие не могут вынести на улицу предмета, над которым они работают, все же шум от их работы разносится по улице, так как они работают при открытых дверях и окнах, даже у самых окон. Таким образом, над средневековым городом носится своеобразный гул от работы на открытом воздухе. В этом отношении средневековый город можно смело сравнить с городами Востока. Рабочий шум, работа на улице или почти что на улице вызывают подобное сравнение. Вот открыто окно в мастерской портного, и все перед вами, как на ладони. На самом подоконнике поместились два ученика и погрузились в свою работу. В углублении виднеется закройщик, сосредоточенно работающий своими ножницами. На полу — лоскутки и обрезки, кое-где висят или куски материи, или уже готовые вещи. У стены манекен.

Всмотревшись хоть немного вдвигающуюся по улицам толпу, мы сейчас же заметим, что почти все движется в одном и том же направлении, а именно — к городской площади. Последуем за ними. На ратуше выкинут красный флаг. Торг открыт. Сюда приезжают в повозках, верхами, но пешеходы решительно преобладают. Кроме городского населения, среди посетителей торгового — не мало пришлого люда: заезжих рыцарей (нередко сомнительной репутации), монахов, прибывших за покупками из окрестных монастырей, иногородних купцов, приехавших сюда за крупными покупками. По рядам, торгующим мясом, рыбой, зеленью, хлебом и пряностями, ходят в со-

*) Такие навесы назывались Schoppen. Vorkräme. Lauben.

провожении своих прислуг городские хозяйки. Их цветные платья сразу бросаются в глаза. Они довольно плотно облегают тело, снабжены длинейшими рукавами и большими шлейфами. Пояс располагается совершенно свободно и служит скорее украшением, чем необходимостью. У каждой из дам висит сбоку кожаная сумочка. Головы их покрыты самыми разнообразными уборами: тут встречаются и чепцы разных фасонов, и некоторое подобие восточной чалмы, и — на-

шего кокошника, и рогатые шляпы. У девушек головы непокрыты, переплетенные лентами косы или пушены вдоль спины, или свернуты на голове. Здесь к слову сказать, что за дамскими костюмами и уборами зорко наблюдает городской совет. Не удивляйтесь поэтому, если какая-либо из дам будет подхвачена особыми наблюдателями, играющими роль нашей полиции, и отведена в ратушу. При таком отношении городского совета, при упорстве многих дам, наконец, при гру-

бости тогдашних нравов, это явление не представляло собой чего-нибудь необыкновенного. Даму, обратившую на себя внимание, положим, особенно длинным шлейфом, буквально волокли в ратушу, чтобы сравнить её шлейф со шлейфом выставленной там модели. Виновные в нарушении установленного правила подвергались известному штрафу. Но против излишеств дамского наряда восставали не одни городские советники. Нередко появлялся в данной местности какой-либо монах-проповедник и в резких выражениях нападал на эти излишества. Подобные проповедники особенно любили посещать средневековые города. Их можно смело отнести к тем особенностям, которые прекрасно характеризуют средневековый город. Вот почему я и остановлю на некоторое время ваше внимание на рассказе одного современника о монахе-проповеднике.

„В 1428 году во Фландрии и ближайших к ней местностях (мы опускаем здесь их перечисление) пользовался громадным успехом кармелит-проповедник, родом из Бретани, именем Фома Куэтт. Во всех хороших городах и других местах, где он желал проповедывать, дворяне, бюргеры и другие достойные уважения особы устраивали для него на красивейших площадях большие эстрады и покрывали их богачейшими коврами, какие только могли отыскать. На эстраде устанавливали алтарь. Здесь он служил мессу со своими учениками, которые следовали за ним всюду, куда бы он ни отправлялся. Он ездил верхом на небольшом муле. По окончании мессы он говорил с эстрады свои длинные проповеди и порицал пороки и грехи каждого. Особенно сильно порицал он и бранил дам знатного и незнатного происхождения, которые носили на своих головах высокие уборы и другие пустые украшения, как делают обыкновенно благородные дамы в названных местностях.

Ни одна из этих дам не осмеливалась появиться в его присутствии в своем головном уборе. Когда же он замечал таковую, он напускал на нее ребятишек, заставляя кричать их „долой колпак!“ Если же дама удалялась, ребятишки продолжали свои

крики, бежали за дамой и старались сорвать с неё шляпу. Вследствие подобных криков и поступков в очень многих местах происходили большие беспорядки и столкновения между теми, кто кричал „долой колпак“, и слугами преследуемых дам и бары-

шень. Не смотря на это упомянутый брат Фома продолжал свое дело и до тех пор проклинал их, пока дамы, носившие высокие шляпы, не стали приходить на его проповеди в простых головных уборах и чепцах, каковые носят женщины из рабочего класса и вообще бедные женщины из простонародья. Большинство из них, стыдясь оскорблений, которые им приходилось слышать, совсем оставили свои высокие головные уборы и надели другие, похожие на уборы бегиннок. (О бегинках см. ниже, в этом же очерке). Некоторое время благопристойность не нарушалась. Впрочем, дамы поступили так, как поступают улитки, которые, заслышав прохожего, запрятывают свои рожки, но не слыша более ничего, снова выставляют их наружу. Как только проповедник удалился из страны, они позабыли его учение и снова принялись за свои старые уборы и даже стали носить уборы больших размеров, чем носили раньше" *).

Монахи-проповедники были самым обыкновенным явлением на площади средневекового города. Взобравшись на камень или первое попавшееся возвышение. странствующий монах собирал вокруг себя большую толпу народа и начинал говорить. Говорил он и против жидов, и против роскоши, и против излишеств дамского костюма, порицал снисходительность судей и прегрешения ратманов. Все это говорилось в таком месте, где собиралось особенно много народа, как наприм., на ярмарочной площади. Подвернись во

*) В половине XV века через немецкие города проезжал францисканский монах Капистрано. Своими пламенными речами он призывал народ к покаянию. Женщины сносили безделушки, мужчины шахматные доски. Сносимые предметы сжигались на кострах. Но, едва уезжал монах из того или другого места, там снова принимались за старое житье. — Стоит принять во внимание подобные случаи, подобных лиц, и история прославленного доминиканца Савонаролы теряет тот исключительный характер, который обыкновенно при дается ей.

время такой проповеди какой-нибудь еврей под руку, разгоряченная толпа, конечно, не поцеремонится с ним. Да еврей и бывал здесь под рукой. Физиогномия, сама фигура, желтая полоса на костюме и остроконечная рогатая шляпа, все это выдавало его. Уже свык-

нувшись с обычаями горожан, научившись по самым незначительным для постороннего глаза приметам узнавать настроение толпы, злополучный сын Израиля заблаговременно скрывался. Но толпа способна на самые дикие движения, и бывало, что проповедь забредшего в город монаха приводила к страшному по-

грому, жертвами которого, конечно, становились не одни только евреи. Вот почему городские советы в известных случаях неблагосклонно смотрели на бродячих проповедников и, не церемонясь, выгоняли их из города. Только исключительные свойства самого проповедника или особенная потребность общества создавали такому лицу громкую репутацию, прославляли его. Конечно, если проповедник не затрагивал никаких серьезных вопросов, не касался самого строя жизни, то те же ратманы приходили послушать его. Во всяком случае, это было одним из развлечений для средневекового горожанина.

Но, посмотрите, что это за процессия проходит в стороне через площадь? На этот раз кого-то изгоняют из города? Да, изгоняют — прокаженных. Их несколько человек. Они только что отстояли мессу в соборе. С ними идет священник в облачении, с крестом в руке. Он роздал им освященное платье, обувь, сосуд для питья, корзину для пищи и трещотки, звуком которых они должны будут отгонять всех, приближающихся к ним. Больница для прокаженных, устроенная за городской чертой, не примет этих несчастных: она полна. Им придется поселиться за городом в поле, в одинокой хижине. Здесь пропоют зауспокойные молитвы, на покрытые головы несчастных посыпят земли, а перед расставаньем священник скажет им единственное слово утешения: „наши молитвы и милостыня будут с вами“. И дверь их хижины закроется, как крышка гроба. Временами они будут выходить из своей могилы, но непосредственное общение их с остальным человечеством порвано окончательно: они умерли для него. Перед хижинной их одинокой поставится деревянный крест...*) Посмотрите, как все сторонятся от них!

*) Считаю не лишним отметить здесь, как исключение, один несколько странный обычай, существовавший в Амстердаме. Там про-

Среди лиц, сопутствующих изгоняемым из городских пределов прокаженным, обращают на себя наше внимание несколько женщин. Это — бегинки. Они одеты в ниспадающие до самой земли темносерые платья, с их голов ниспадают белые покрывала, в их руках четки бесконечной длины. Вы приняли бы их за монахинь, но они не составляли монашеского ордена и не жили в монастырях. Правда, они отрекались от мира, жили подаянием, прося хлеба ради Бога („Brot durch unsern Herr Gott“), но главной целью их жизни была не молитва; они отрекались только от мирских удовольствий, от светской жизни, от жизни среди себе подобных, но не порывали совершенно связей с ними. Они служили великой цели — помогать страждущему человечеству, облегчать людские немощи. Они селились обыкновенно по 2—3 в небольших домиках с крестами над дверьми. Эти домики так и назывались „Божьими домами“ (Gotteshäuser). Обитательницы же их, кроме имени бегинки, носили еще прозвище „духовных сестер“ (Seelschwestern). В нашем городе их до 40 человек. Без них трудно представить себе средневековую улицу или площадь.

Но кого только нет на этой площади? Вот прогуливаются дворяне-шеголи. Движенья их, несомненно, стесняются необыкновенно узким платьем. На них — все в обтяжку. Полукафтанье надевается чрез голову, да и то с трудом. На ногах сапоги ярких цветов с длиннейшими и узенькими носками. (См. последний рисунок). Но, всего более удивляет нас чрезвычайная пестрота костюмов. Она доходит даже до безобразия: так, одна половина платья делается из ма-

каженные имели два радостных дня в году. В эти дни они разезжали по всему городу на санях, при звуках труб и барабанов. и собирали обильные подаяния. Представьте только себе подобный поезд!

терии одного цвета, другая — из другой. Вырезные зубчики по краю полукафтаны, навешенные у некоторых щеголей бубенчики, золотые, серебряные и медные цепи на шеях, украшенные алмазами, яхонтами, гранатами, бирюзой, — вот что невольно запоминается нами при более внимательном рассматривании. У каждого с боку свешивается меч, голова украшена или небольшой шляпой с пером, или чем-то в роде капюшона. У некоторых накинуты короткие плащи. Но взгляните еще на этого субъекта! Одна нога у него голубая, другая красная, довольно низко расположился толстый, обитый металлическими пластинками пояс, а красное полукафтаны снабжено необыкновенно широкими рукавами, которые сразу суживаются у кисти руки, так что совершенно обхватывают ее. Полную противоположность этому господину представляет прогуливающийся по площади ученый: его длинное, широкое, ниспадающее до полу и даже волочашееся сзади платье голубого цвета, с длиннейшими, подбитыми мехом рукавами, напоминает наши священнические рясы. На плечах его — металлическая цепь, к которой привешены бубенчики. Важно двигаются почтенные бюргеры в своих широких, ниспадающих до колен кафтанах коричневого, черного, темнокрасного и друг, скромных цветов. Чтобы получить более верное, более отчетливое представление об уличной жизни в средние века, остановим свое внимание на 2—3 типах. Резко выделяется из уличной толпы пилигрим или странник, посещающий святые места, На нем — полотняные шаровары, широкий опоясанный кафтан, на груди и широкополой шляпе нанизаны раковинки, в руке — длинный посох, сбоку — сума и переплетенная ремнями фляжка. От всей фигуры его веет каким-то спокойствием и смирением: так и ждешь, что он присядет на какой-либо лавочке, прислонит к стене свой страннический посох и нач-

нет свою простую и несколько монотонную речь о виденном и слышанном. Гремя колокольчиками, которыми обвешаны их пестрые узкие костюмы, прошли фокусники с акробатами и скрылись в толпе. Впрочем, порою потешает публику и этот странствующий по городам и селам монах в сильно поношенной темной рясе, опоясанной веревкою. Здесь он потешит, посмешит своих случайных слушателей, там продаст какую-либо реликвию, разумеется, не настоящую, в другом месте объявит, что ему известны скрытые клады. Недавно он показывал на этой же площади ящик со змеями, которые слушались его, прыгали и танцевали. Теперь он с самым серьезным видом прописывает своему собеседнику, конечно, за плату сомнительный рецепт от зубной боли. А вот и настоящий шарлатан. Ему предшествует слуга и выкрикивает во всеуслышание его достоинства и знания...*) Но посмотрите на этих молодых людей, которые, очевидно, только что явились в наш город и никогда в нем раньше не бывали! Они выдают себя своим любопытством и крайне рассеянным видом. Это — странствующие ученики. Что же это такое? Откуда взялись они? Между школами, основавшимися почти во всех городах в ту пору, к которой относится наш очерк, некоторые приобрели особенную славу. Бывало и так, что в одной школе, в одном городе особенно хорошо преподавался один предмет, в другом — другой. Отсюда и возникли странствующие ученики. Они, так сказать, блуждали из города в город, блуждали в поисках за знанием. Послушают, поучатся здесь, пойдут в другое место. Известное число таких странствующих учеников находили,

*) „Hört ir herrn all geleich
Es kumpf ain maister künsterreich,
Er nennt sich meister Vivian,
Der siben kunst er wol echt kan"...

наконец, искомое, избирали себе предмет, селились в известном месте, серьезно отдавались науке и потом возвращались домой уже в качестве ученых. Но так благополучно кончали далеко не все. Многие из них просто погибали жертвами лишений и излишеств. Они жили подаянием от знатных людей, получали от них одежду и деньги. „Пусть знатные люди — говорится в одной из песенок, распевавшихся ими, — дают и подарки знатные: золото, одежды и тому подобное“...

*Dent nobiles dona nobilia —
Aurum, vestes et his similia.*

Получив деньги, они живо проматывали их и начинали терпеть нужду в самом необходимом. Многие старели в постоянных переходах с места на место, вели крайне беспорядочную жизнь, пополняя собою толпы так называемых „вакхантов“, бесшабашных людей, готовых на всякое бесчинство, на всякое дурное дело. Эти люди отличались своей дерзостью, как и вообще нищие и нищенки. Нищие составляли целые отряды, требовали себе подаваний, а чтобы разжалобить народ, притворялись больными, калекami, вызывали приемом различных трав сыпь на теле и прибегали к другим уловкам того же рода. Нечего прибавлять вам, что среди нищей братии находилось немало и действительных калек, действительно больных, несчастных людей, имевших законное, но тяжелое право, рассчитывать на милосердие людей имущих и здоровых.

Но торговля приходит к концу. Скоро снимут с башни красный флаг, скоро торг прекратится. Телеги, привезшие товары в город, покаты из него пустые. За ними потянутся возы, нагруженные городскими товарами. Площадь опустеет. Сегодня ратманы будут довольны. Торг прошел сравнительно

спокойно: только один человек ранен, да поймано несколько воришек. Бывает дело куда хуже.

Прежде чем покинуть площадь, заглянем еще в аптеку, откуда только что вынесли раненого. Это — комната со столом по середине и полками вдоль стен. На полках — банки с различными медикаментами. Если

бы нам удалось заглянуть в опись предметов, находящихся в аптеке, мы нашли бы там удивительные вещи, как, например, драгоценные металлы и жемчуг, истолченные в порошок, засушенных жаб, волчье сердце, волчью печень, человеческие черепа, кости мумии. В XIV—XV вв. аптеки находились под наблюдением

назначенных для этой цели врачей. Однако, это несколько не мешало аптекарям готовить, кроме лекарств, и различные кондитерские изделия.

Оставим площадь, пройдемся еще по городским улицам, обратим внимание на некоторые явления, странные на наш взгляд, но считавшиеся самыми обыкновенными. Вот послушайте хоть этого человека; он, очевидно, спешит и что-то выкрикивает на ходу. Это — один из служителей, состоящих при банях. Он кричит во всеуслышание, что вода горяча, что все — готово, и приглашает желающих пожаловать в баню. В другом месте мы встречаемся с мальчиком, который громким голосом восхваляет вина своего хозяина. Да и сам хозяин, стоя за дверьми лавки, зазывает прохожих и дает самую лестную аттестацию своему товару. Последний обычай, впрочем, сохранился еще и у нас. Но то, на что я укажу вам сейчас, в самом деле, — оригинально. Один из мелких виноторговцев, не слишком-то полагаясь на словесную рекомендацию, выкатил на улицу винную бочку, установил ее, расставил кругом табуреты, принес кружки, открыл втулку... и что же думаете вы? Взгляните: прохожие облепили бочку, как мухи кусок сахара. Тут и мужчины, и женщины, и родители, и дети; одним словом, на улице составила маленькая попойка. Городской совет запрещает это, но что поделаешь с ними? Советы других городов, видя полную невозможность уничтожить этот обычай, разрешили городским обывателям следовать ему не более трех раз в году, в установленные для этого сроки — в дни св. Михаила, св. Мартина и св. Галла. Представьте себе, что происходит на улицах в эти дни! Стоят, сидят, лежат на улицах, пьют вино и веселятся. Впрочем, нечего удивляться тому, что простой обыватель так падок до вина, посмотрите повыше — на графов, епископов, аббатов, ратма-

нов... Пристрастие к вину тонко осмеивалось в средневековых латинских стихотворениях. Вот как восхваляется вино и при том преимущественно вино, продаваемое в тавернах (в погребах). „Бокалами зажигается лампада души; сердце, напоенное нектаром, улетает ввысь: для меня вино, продаваемое в та-

верне, имеет более приятный аромат, чем то (вино), которое эконо́м епископа смешивает для него с водою" *).

*) *Poculis accenditur animi lucerna;
Cor imbutum nectare volat ad superna:
Mihi sapit dulcius vinum in taberna.
Quam quod aqua miscuit praesulis pincerna.*

Но размышление наше прерывает звонкоголосый парень, который шествует посреди улицы и торжественно провозглашает... что бы такое?.. что в доме такого-то бюргера (следует полное имя его) „сварено пиво“. Как радостно звучит его голос! Рассказывают, что император Рудольф, посетивший Эрфурт, сидел как-то утром у открытого окна занятого им дома и медленно попивал тамошнее пиво. Вдруг проходит такой пивной глашатай (Bierausrufer). Его восклицание так увлекло Рудольфа, что он высунулся из окна, поднял кверху кружку с пивом и сам прокричал на всю улицу „хорошее пиво сварил Зейфрид фон Буттштетт“.

Шумно протекал день в средневековом городе. С приближением вечера этот шум утихал постепенно. Возвращались стада, пахари. Дети до заката солнечного играли у порогов своих домов, или на кладбищах. На кладбищах не прочь были повеселиться и взрослые. Там всегда был народ. А стоит только какому-нибудь музыканту заглянуть туда со скрипкой! Прислонится он к забору, пустит свой смычек гулять по струнам, и пошла потеха: пляшут стар и млад, и забывают все на свете! Кажется, что и мертвецов-то подымут из могил, но...

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье —
Ничто не вызовет почивших из гробов! *)

Солнце зашло. Ночь опускает свой темный покров над средневековым городом, веет снотворными чарами. Прозвучали трубы со сторожевых башен, загремели своими цепями тяжелые подъемные мосты, прозвонил в первый, во второй, в третий раз вечерний колокол. Горожане, расположившиеся у своих домов

*) Стихи Жуковского (из элегии Грея).

на улице, подышать вечерней прохладой, побеседовать друг с другом, вошли в свои жилища. Темно. Запоздалый путник пробирается к своему дому с фонарем в руке. Откуда-то доносится пение:

Господу Богу воздайте хвалу,
Слава и честь подобает Ему...

Городской совет.

ордо поднимается к небу своими заостренными башенками и кровельными выступами городская ратуша. За высокими колоннами, пробегающими по всему зданию от основания до самого верха и даже превышающими всю постройку своими остроконечными башенками, приютился лицевой фасад ратуши с каменными узорами, с высокими окнами, украшенными богатой резьбой. Как ни велики ворота, устроенные с этой стороны, они совершенно подавляются всей массой здания; они ведут в обширные помещения, где во время ярмарки выставляются товары, в погреба, в кладовые, темницы. Главный же вход помещается в особой пристройке, несколько отступающей от площади лицевого фасада. Но от такого положения вход в ратушу не только ничего не теряет, но даже выигрывает, так как к нему ведет высокая каменная лестница. Придавая известное величие входу, эта лестница несколько не нарушает стройности и цельности лицевого фасада. За пристройкой, как бы прижавшейся к главному зданию, возвышается незатейливая башня с остроконечной кровлей: она примыкает к одному из задних углов ратуши. Здесь висит набатный колокол, отсюда башенный сторож смотрит за местностью, подлежащей его охране (см. рисунок). Поднявшись по ступеням каменной лестницы, вы

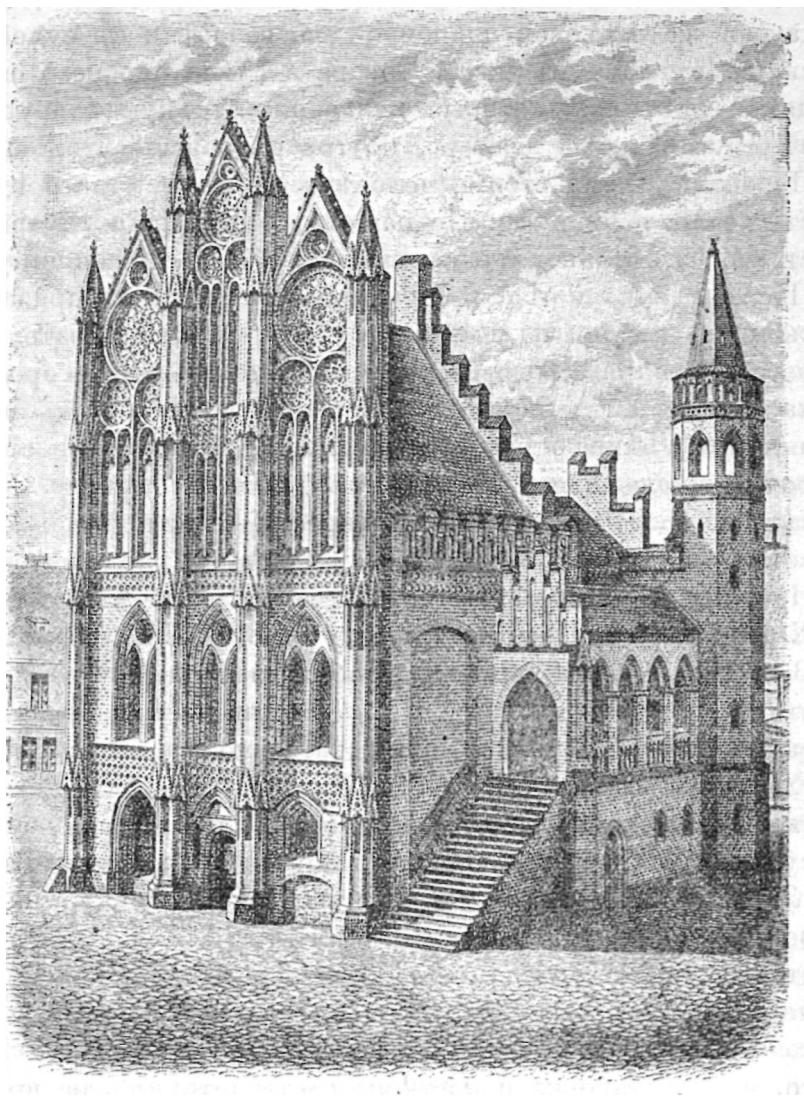
вступаете в широкий, освещенный с одной стороны коридор; величественными дверями вы входите из него в главную залу ратуши. Зала покрывается сводчатым потолком. С потолка свешиваются бронзовые люстры, из которых каждая изображает подобие большого древесного сука с разветвлениями и крупными листьями. Дневной свет проходит через разноцветные стекла, вставленные в резные оконные рамы. В глубине зала, на возвышении, за бронзовой перегородкой стоят резные скамьи ратманов: спинки этих скамей украшены фигурами, изображающими древних писателей и философов. Под изображением Платона вырезана надпись, предостерегающая от лицепрятия, от несправедливого снисхождения на суде к друзьям *). На огромном дубовом столе стоит мощехранильница. Каждый клявшийся на суде должен был прикоснуться к ней своей рукою. О необходимости судить беспристрастно и добросовестно постоянно напоминают картины, нарисованные на стенах залы. Одна из этих картин изображает страшный суд: здесь и короли, и папы, и князья, и кардиналы, одним словом — все грешники терпят одну и ту же участь, демоны гонят их в ад, а последний представляет собою клокочущее огненное озеро, переполненное чудовищами с разинутыми пастьми. Под картиной на латинском языке и в переводе написано обращение к судьям, призывающее их судить справедливо

*Juste judicate, filii hominum!
Judicium quale facis, taliter
Judicaberis...*

и повторяющее изречение Спасителя „имже бо судом судите, судят вам“. Другая картина представляет сюжет аллегорический. На ней изображается суд.

*) we im rechte beschonet sinen frund.
de is der eren und sinnen blind.

Перед судьями стоит подсудимый, а по сторонам его дьявол и ангел: дьявол побуждает его принести ложную клятву, ангел же старается отвлечь

его от такого греха. Подобных картин много: на них изображены всевозможные добродетели и пороки. Встречаются картины, представляющие воспроизведение

действительной жизни. Перед нами — картина, писанная на дереве. Она изображает заседание городского суда. На высоком сиделище сидит городской судья в красной мантии, опушенной белым мехом, с такою же меховой шапочкой на голове и с судейским жезлом в руке. Справа и слева от него сидят советники, которые оживленно беседуют друг с другом; их шестеро, по три с каждой стороны. Перед судьями стоит человек с мечом на боку, с жезлом в руке. По нашему, это — судебный пристав. Он приводит к присяге какую-то женщину. Последняя клянется, подняв правую руку с прижатыми к ладони пальцами, за исключением указательного и среднего. Позади судейских мест — перегородка, а за ней виднеются юноша, принимающий, по видимому, близкое участие в деле, и судебный сторож, предъявляющий судьям деловую бумагу. На заднем фоне изображено Воскресение Господне, а наверху — Христос, как Судья вселенной; около него — Приснодева Мария, Иоанн Креститель и Апостолы. Художники брались также и за исторические сюжеты. Вот, напр., две картины, изображающая трагическую участь несправедливого судьи, жившего при персидском царе Камбизе, следовательно за полтысячи слишком лет до Рождества Христова. На одной картине художник изобразил взятие несправедливого судьи под стражу, по повелению здесь же стоящего Камбиза, на другой — страшное наказание, которому подвергся злополучный судья. Последний положен на стол и привязан к нему, а исполнители Камбизова повеления снимают с несчастного кожу, чтобы потом обить ею судейское кресло. Всего любопытнее то, что обстановка и костюмы соответствуют не времени Камбиза, а времени художника, и у стола, на котором совершается бесчеловечная казнь, стоит сам Камбиз со скипетром, увенчанным крестом.

Кроме картин и надписей под ними, к справедливости и беспристрастию судей взывают еще отдельные надписи над дверями, над окнами, в роде следующей:

Eins Manns Red ist eine halbe red.
man soll die teyl verhoren bed.

т. е. „если говорить *один* человек (будь то подсудимый или истец), это еще только половина речи; следует же выслушивать *обе* стороны (и обвинителя, и обвиняемого). В этом двустишии пересказывается знаменитое латинское изречение — *audiatur et altera pars* — „пусть будет выслушана и другая сторона“.

В ту пору, о которой у нас идет речь, городской совет или рат, собиравшийся в здании ратуши, сделался настоящим правительством города. Феодальные сеньоры, духовные и светские, когда-то державшие города в своей власти, были принуждаемы вооруженными силами городов отказаться от своих притязаний на управление ими. Городское население так богатело, так усиливалось, что даже и те города, которые зависели ранее от самого императора, которые имели именно его своим сеньором и управлялись назначаемыми им фогтами или наместниками, успешно действовали в пользу своей независимости. Сначала такие фогты назначались императорами по своему собственному усмотрению, потом императоры стали назначать их с предварительного согласия данного города, так как фогты, назначаемые без такого соглашения, нередко превышали свою власть и обнаруживали большой произвол, чинили обиды городскому населению. Но с течением времени, когда фогтов стало избирать само городское население, значение их пало еще более. Фогты-правители превратились мало-помалу в фогтов - покровителей (*Schirmvogt*). Они обязываются содействовать городам в их войнах с соседями, в сношениях с иностранными держа-

вами по торговым делам, и не вмешиваться во внутренние дела города, в его управление. Город заключает с таким фогтом особый договор на определенное время. По этому договору фогт обязывается уважать городские вольности, данные городу или императорами, или прежними наместниками и х. За это город дает фогту право на получение известных городских доходов. Само собою разумеется, что такими фогтами избирались люди знатные и богатые, крупные земельные собственники, жившие по соседству с городом.

Кроме фогта, в древнейшее время, большим значением пользовалась городская община, все гражданство, все свободное городское население, городское вече (*placitum legitimum*). Постепенно многие дела, решавшиеся вечем, перешли в руки городского совета, учреждения со строго ограниченным числом членов. Следующим ослаблением городской сходки было подчинение её рату, который стал созывать ее по своему усмотрению. Наконец, естественным следствием этого было запрещение собираться городскому населению без предварительного уведомления о том рата, который и посылал на сходку двух членов из своей среды. В противном случае сходка считалась возмущением, а виновники её — государственными преступниками.

По мере того, как падало влияние императора, наместника и веча, поднималось значение рата. В его ведение перешли все отрасли городского управления.

Теперь познакомимся с составом рата, а затем и с делами, которыми занимались члены рата или ратманы.

Первое место в городском совете занимают бургомистры (*burgimagistri*). Их обыкновенно два, и избираются они из среды ратманов, сроком на один год. Бургомистры и ратманы резко выделяются из

уличной толпы, когда важно проходят через торговую площадь, направляясь в ратушу. На них длинные, подбитые и опушенные мехом одежды, с меховыми воротниками и серебряными застежками, на головах — меховые шапки. В руках у бургомистров посохи. В некоторых городах, при отправлении бургомистрами их обязанности, окружает их большая свита, состоящая из служащих при ратуше. Обыкновенно бургомистры и ратманы носят одежду такого цвета, который считается цветом данного города. Так, напр., в Кельне они одевались в костюмы серого цвета, в других городах — ярко-красного, черного и т. д. Впрочем, скромные цвета преобладали. Бургомистры — председатели рата, они созывают его по звуку колокола, руководят прениями и приводят в исполнение постановления совета, от имени города ведут переговоры с соседними князьями и городами, предводительствуют войском.

Может быть, самым значительным лицом после бургомистров был городской письмоводитель или, как он еще назывался, канцлер, нотариус. Одной из важнейших обязанностей городского управления было производство суда. Необходимо было, поэтому, иметь под рукой человека, знающего законы. Такие люди и занимали должности канцлеров. Канцлер должен был знать латинский язык, уметь составлять документы. Он посвящался в тайны городской политики. Ему случалось исполнять разные дипломатические поручения. Эта выдающаяся и нелегкая должность оплачивалась очень хорошо: канцлер получал *пожизненное* содержание, хотя бы и задолго до смерти сделался неспособным исправлять свою должность. Нередко канцлер, пользуясь городским архивом, описывал современные ему события и оставлял таким образом в назидание потомству городскую хронику.

Несомненно, большим значением пользовались го-

родские казначеи или камерарии, избиравшиеся из среды ратманов. Их было двое. Они заведовали приемом, хранением и расходованием городских денег, в иных городах вели особую книгу, куда заносили все имущественные перемены. В Ульме печатью их скреплялись все имущественные договоры и купчие.

Существовали и другие должности. Судили только избранные для этого ратманы, на которых можно было, в случае неправильного решения, жаловаться общему собранию рата. Другие ратманы отправляли полицейские обязанности. С бургомистром во главе, они имели право входить в любой дом и, в случае надобности, производить в нем обыск, даже ночью. Особые лица из среды ратманов заведовали рынком, благотворительными учреждениями, находившимися в ведении ратуши, винной торговлей и т. д. Ратманы, заведовавшие последней, назывались винмейстерами (*wynmeistere, magistri vini*). Дело в том, что во многих городах оптовая торговля вином принадлежала только городскому совету. В таких городах главный винный погреб помещался в самом здании ратуши. Все привозимое в город вино свозилось сюда. Лучшие сорта винмейстеры оставляли для себя: это было, так сказать, городское, казенное вино. Остальное передавалось для продажи частным лицам. Городское вино расходовалось на подарки знатым лицам, на угощение ратманов, которые имели право на даровые порции вина по воскресным и праздничным дням.

Для особенно важных случаев составлялись тайные советы из бургомистров и 2—3 ратманов. Результаты из занятий доводились потом до сведения полного собрания рата. Число ратманов обыкновенно простиралось до 12-ти. При избрании их производились также выборы кандидатов на ратманскую должность. Таким образом, было как бы два совета — один заседавший, а другой старый, называвшийся так

по той причине, что в состав его входили обыкновенно бывшие ратманы. Кроме них, были при ратуше писцы и служители разного рода: вестники, посыльные, ночные сторожа и т. п. В древнейшее время ратманы не получали определенного содержания, служба их считалась почетной, они получали за нее подарки и известный процент из штрафных денег. Потом было положено всем должностным лицам известное жалованье, которое выдавалось деньгами и разными припасами, как-то: солью, дровами, хлебом, сукном. О праве ратманов на казенное вино мы сказали уже выше.

Дела, подлежащие ведению ратманов, многочисленны и сложны. Ничто так хорошо не познакомит нас с средневековым городским правлением, как обзор дел, составлявших область его деятельности. Мы говорили уже о ратманах, как судьях. На их обязанности лежали, кроме суда, заботы о сохранении общественного спокойствия и безопасности, о чистоте улиц, о призрении бедняков, надзор за правильным производством торговли, за нравами городского населения, попечение о просвещении его.

Городские советы, для предупреждения кровавых расправ, запрещали горожанам носить кинжалы, слишком большие ножи. В Регенсбурге, например, во избежание всяких недоразумений, был вывешен у здания ратуши, в качестве образца, нож допускаяемого размера. Путешественники, приезжавшие в тот же город, должны были немедленно снимать с себя в гостинице все оружие; если же в гостиницу приезжали зараз более четырех человек, её хозяин должен был оповещать об этом бургомистров. Совет того же города, чтобы гарантировать собственную безопасность, издал постановление, которым запрещалось истцу приводить с собою в ратушу более двух товарищей. Городские советы запрещали слишком быструю езду, которая могла приносить особенно

много бед, при узкости средневековых улиц. Тяжелые цепи протягивались с одной стороны улицы до другой, чтобы препятствовать движению беспокойной толпы и конных мятежников. После третьего вечернего звона можно было выходить на улицу лишь с фонарем. Тогда же прекращалась торговля в винных погребах. С ночными гуляками и нарушителями спокойствия поступали в некоторых городах очень решительно. Захваченный гуляка сажался в тюрьму, называвшуюся „дурацким домиком" (Narrenhauscken). Этот домик был похож на клетку, так что заключенный был видим прохожими. Случалось, что такие гуляки, особенно из знатной молодежи, не ограничивались шумом, а составляли шайки и совершали нападения на жилища мирных горожан. Вздумает какой-нибудь отчаянный дворянин овладеть красивой дочкой горожанина, высмотрит окно её горницы, выберет темную ноченьку, подобных себе товарищей, принесут с собою большую лестницу... Но, подобные затеи не сходили даром. Проснется мирный горожанин, кликнет своих рабочих, и пойдет потеха, шум, крики, отворяются окна, выносятся огни. Наталкиваются на труп или на отрубленную руку. Никого нет. Необыкновенно хорошо и верно изображена подобная сцена темной ночи в средневековом городе у Гете в его „Фаусте". Фауст с помощью Мефистофеля убивает под окнами Маргариты ее брата Валентина. Мефистофель увлекает Фауста в бегство следующими словами:

Теперь живей нам надо убираться,
Ужасный гвалт поднимется сейчас, —
С полицией я справился б как раз,
Вот с уголовщиной трудненько развязаться...

Марта (из окна).

Сюда, сюда!

Маргарита (из окна).

Огней сюда, огней!

Марта (оттуда же).

Здесь ссора, драка, стук мечей.

Народ.

И кто-то здесь лежит убитый *)

Кто-то... Нелегкое дело и небезопасное предстоит ратманам.

Советы должны были заботиться о здоровье городского населения. Они заботились о том, чтобы в городах не было недостатка в медицинской помощи. По постановлению многих советов, покупка ядовитых веществ могла производиться только при свидетелях, пользующихся в городе известным уважением. Подделка вина особенно заставляла советы следить за его продажей. Фальсификация, т. е. подделка вина, порча его посторонними примесями была распространена и в то время. К винам примешивали белила, ртуть, купорос. В лучших случаях подливали воду.

Размножение бедного класса заставляло городские правительства устраивать особые заведения общественного призрения, которые содержались на деньги, собираемые для этой цели с населения. Случалось, что богатые граждане помогали в этом деле совету своими пожертвованиями.

Особенно зорко наблюдали советы за торговлей. Они заботились о том, чтобы город имел в достаточном количестве все необходимое, следили за тем, чтобы торговцы пользовались правильными мерами и весами, образцы которых выставлялись у самой ратуши. Правители города заботились не только о том, чтобы товар отличался надлежащей добротой, но и де-

*) Из перевода, приготовляемого нами к печати. Оттуда же и другой приводимый ниже отрывок.

шеvizной. Продажа мяса, рыбы, хлеба подлежала бдительному и строгому надзору. Хлебника, уличенного в обмане, или кидали в воду, или сажали в большую корзину, в которой и опускали его с помощью длинной жерди в какую-нибудь глубокую лужу. Продавцы шафрана, индиго и других красильных веществ также не были изъяты из под надзора. В продаже могли обращаться кирпичи только известной длины, ширины и толщины. Золотых дел мастера, суконщики, меховщики, портные, также находились под наблюдением рата. В интересах населения городской рат устанавливал на известное время года заработную плату по разным ремеслам.

Заботясь об улучшении общественных нравов, городские советы объявляли войну расточительности, божбе, брани, азартным играм и т. п. Некоторые игры были совершенно запрещены; допускались же только такие, в которых проигрыш и выигрыш зависит не от одного счастья, а также от умения и соображения: устанавливались размеры проигрыша в продолжение одного дня.

Мы еще указали выше на заботы советов о просвещении городского населения. Этому, впрочем, долго противилось местное духовенство. Оно обыкновенно восставало в том случае, когда какой-либо город или какая-либо владетельная особа основывали школу и назначали в нее преподавателями лиц светского звания. Раты в таких случаях обращались не только к местному епархиальному начальству (к местному епископу), но даже к самому папе и тогда получали желаемое разрешение. Впрочем, в XV веке подобные противодействия уже прекратились.

Теперь мы познакомились с составом городского рата, с его правами и обязанностями, и только теперь мы можем понять, почему горожане после храма Божьего с особенным старанием украшали здания, в

которых собирались городские советники. Здесь, в этих ратушах, сосредотачивалась вся жизнь средневекового города. Кроме того, обширные залы средневековых ратуш долгое время служили в некоторых городах местами, в которых совершались различные празднества: здесь справляли свои свадьбы наиболее знатные из горожан, сюда собирались потанцевать и вообще повеселиться. Таким образом, ратуша долгое время была как бы открытым домом, который принадлежал всем гражданам.

Бюргерский дом.

аглянем ненадолго в каменный дом богатого бюргера. Таких домов в городе еще сравнительно немного. Перед нами трехэтажная постройка с высоко приподнятой черепичной кровлей. Последняя спускается не на две, а на все четыре стороны. На верху стены, закрывая часть кровли, чередуются зубцы, а по углам стоят небольшие, шестиугольные зубчатые башенки. Ниже башенок и зубцов тянутся, опоясывая верхнюю часть стены, лепные украшения. Под самым почти орнаментом расположился ряд окон третьего этажа. Расстояние между последним и вторым этажом значительно больше, чем расстояние между третьим этажом и началом кровли. Сами окна второго этажа своими размерами превосходят окна верхнего этажа. Дверь, ведущая в дом, напоминает наши ворота: в нее может свободно въехать нагруженный до верху воз. Почти весь фасад дома покрыт различными изображениями: тут нарисованы женщины, занимающиеся пряжей, шитьем, тканьем и другими работами. Изоб-

ражения, во всяком случае, знаменательные. Они как бы указывают на характер домохозяина и его семьи, целью своей жизни избравших труд. Рисунки окружены сетью прихотливых арабесок *). Крепкая дубовая дверь почти вся сплошь обита железом. Тяжелая колотушка в виде головы какого-то зверя висит тут же на цепи.

Войдя в дверь, вы попадаете в обширные сени со сводами, опирающимися на толстые круглые столбы. Тут вы видите всевозможные сундуки, тюки с товаром и бочки; все это будет проверено и поступит в подвалы и кладовые. Вообще, здесь, в нижнем помещении расположены рабочие комнаты: тут принимаются товары, ведутся счета и т. п. В одной из комнат этого этажа стоит большой письменный стол хозяина со множеством отделений и ящиков и доской, которая, в случае надобности, может закрыть весь стол, так как она поднимается и опускается на подобие верхней доски у фортепиано. На столе, кроме больших ножниц, всевозможных бумаг и других необходимых для письма предметов, стоят еще небольшие песочные часы. Но повторяем еще раз, нижний этаж — нежилое помещение, а скорее контора. Чтобы проникнуть в жилище хозяина, вы должны подняться по этой широкой каменной лестнице.

Дневной свет проникает в комнаты через окна, составленные из небольших круглых стекол зеленоватого цвета. Каждое из них заключено в свинцовую рамку. В древнейшую пору в домах городских обывателей окна оставались совершенно открытыми, т. е. представляли собою простые отверстия в стене, с крестообразным переплетом, или покры-

*) Арабесками называются живописные или скульптурные украшения, представляющие собой плетение линий, древесных ветвей без листьев и с листьями и фантастических фигур. Названы так от имени арабов, у которых они и были заимствованы.

вались промасленной бумагой, пузырем, тонкой роговой пластинкой. Каждое из окон, по необходимости, снабжалось тогда внутренними ставнями. Стоило закрыть ставни, и комната погружалась в темноту. Потом стали прорезать верхнюю половину ставни и вставляли в отверстие стекла. Сделалось светлее, но вполне естественно было желание дать в свое жилище доступ еще большему количеству света; тогда снабдили стеклышками и нижнюю половину ставни. В комнатах стало совсем светло, но, чтобы хорошенько рассмотреть что-либо на улице, все-таки приходилось открывать раму, так как видеть ясно через тогдашние стекла было невозможно. В домах, подобных рассматриваемому нами, стены комнаты выкладывались до самого потолка деревом. Эта деревянная обшивка покрывалась резьбой и живописью. Живописные изображения на комнатных стенах были похожи на рисунки, покрывавшие лицевой фасад дома. Иногда изображались, впрочем, сцены из рыцарской жизни. Но, конечно, так украшались главные, так сказать, парадные комнаты, тогда как настоящие жилые помещения выглядели гораздо проще. Случалось уже и в это время, что потолки также, как и стены, покрывались резьбой или живописными изображениями. Балки не маскировались, как это делается теперь, а оставались на виду. Двери отличались солидностью и также украшались резьбой. Пол имел обыкновенно вид огромной шахматной доски, так как составлялся из чередующихся между собою каменных плиток белого и красного цвета. Предмет не последних забот составлял для зажиточного горожанина просторный камин. Вы можете представить себе его вполне определенно. Его верхнюю часть составляет колпак. Он покоится на двух выступающих вперед каменных косяках и доходит до самого потолка. От нижней части колпака выступает довольно

широкий карниз, на который ставятся различные безделушки; с обеих сторон его приделаны легко передвигаемые подсвечники. На каменном полу самого камина поставлены два тагана. Перед камином ставится большая скамья с откидывающейся по желанию спинкой; такая скамья ставится обыкновенно спинкой к огню. На скамье разбросаны подушки. Это любимое место хозяев в холодную зимнюю пору, когда за стенами дома сыплется снег, и разгуливает холодный ветер. В других комнатах топятся изразцовые печи. Тогдашние печи отличались от нынешних тем, что ставились на ножках и с первого взгляда очень походили на какую-то тяжелую мебель в роде огромного шкафа или буфета. В очень богатых домах делались фигурные ножки. У одной средневековой печи, сохранившейся до настоящего времени, ножки имеют вид львов, которые, стоя, поддерживают всю печь. Непосредственно к печи прилежала лежанка, куда забирались желающие погреться. Изразцы, облицовывавшие печи, бывали совершенно гладкие, зеленого и других цветов, и украшались рельефными фигурами.

Рассмотрев то, что составляет части дома, обратимся теперь к его обстановке. В то время комнаты не загромождались ненужной мебелью. Вокруг стен расставлялись крепкие деревянные скамьи, иногда с богатой резьбой; на скамьях клались подушки. Кроме скамеек, были в употреблении кресла, напоминающие своим видом те кресла, которые ставятся теперь перед письменными столами. Столы отличались массивностью. Они опирались не на четыре ножки, а на два устоя, соединенные друг с другом поперечной перекладиной. Иногда верхняя доска делалась из какого-нибудь камня или покрывалась различными изображениями: тут можно было видеть Соломонов суд, Юдифь с головою Олоферна, жертвоприношение Авраама

и т. п. Очень большою любовью пользовались в то время, о котором идет речь, низенькие шкафчики на ножках. Тяжеловесные шкафы и сундуки обыкновенно предпочитали ставить или в особенных, отведенных для этого комнатах, или в сенях. Вдвигались также шкафы в углубление каменной стены. Впрочем, шкафы заменялись иногда полками, на которых расставлялись различные предметы домашней утвари. Необходимую принадлежность каждой комнаты составлял рукомойник с повешенным около него полотенцем. Зеркала употреблялись выпуклые; они вставлялись обыкновенно в круглые, реже — в четырехугольные рамы. Вряд ли, впрочем, у кого-либо могла явиться охота без всякой надобности подходить к подобному зеркалу и разглядывать себя в нем, так как изображение получалось довольно непривлекательное.

Освещались комнаты стенными подсвечниками, которые легко поворачивались и могли быть придвигаемы к самой стене, а также и люстрами, свешивавшимися с потолка. Сначала люстры делались совершенно простые, а потом начали готовить их из оленьих рогов, весьма искусно приделывая к ним какую-нибудь фигуру (напр. женщины) и места для свечей. Жглись преимущественно сальные свечи, хотя в домах более зажиточных употреблялись и восковые, но, большей частью, только в праздничные дни или при каких-либо торжественных случаях. Для снятия со свечей нагара пользовались особыми ножницами. Кроме свечей, употребляли в то время и лампы, или правильнее сказать — лампы, сделанные из стекла и несколько напоминающие наши плоские, зажигаемые при иллюминации.

Уже и тогда было в обычае развешивать по стенам портреты и священные изображения. В самых богатых домах можно было увидеть часовой шкаф.

Внутри его скрывался часовой механизм, а снаружи окружался богатыми резными украшениями огромный циферблат. Такой циферблат разделялся на две части: на одной половине его отмечались двенадцать часов дня, а на другой — двенадцать часов ночи. Из остальных предметов обстановки назовем музыкальные инструменты — лютню, арфу, ручной орган, а также и клетки с птицами; из птиц предпочитали соловьев и говорящих попугаев.

На прилагаемом рисунке, представляющем копию с произведения одного художника XV века, хорошо изображен уголок комнаты и некоторые предметы обстановки, нами упоминавшиеся. Представленные здесь лица коротают свое время игрой на небольшом ручном органе: один перебирает клавиши, а другая действует мехами.

Если вы перейдете из гостиной (так можно назвать только что описанную комнату) в столовую, вы встретите здесь лишь один новый предмет, несколько напоминающий открытые буфеты. Это ряд полок, расположившихся на подобие лестничных ступеней. На этих полках расставлены лучшие блюда, кружки, кубки, бокалы, сделанные из раскрашенной и глазированной глины, или из стекла, или из олова; были тут также золотые и серебряные сосуды.

Главным предметом в спальне, конечно, была постель. Постельная рама перетягивалась ремнями. На них клали матрац и покрывали его простыней. Наволочки подушек большей частью, как и теперь, делались из белого полотна, но были в употреблении также цветные. Во многих местах необходимую принадлежность тогдашней постели составлял балдахин. Он представлял собою раму, прикрепленную посредством железных стержней к потолку. Эту раму обтягивали материей: последняя ниспадала до пола,

образуя занавески, легко передвигавшиеся на кольцах. Занавеси делались обыкновенно из красного шёлка на зеленой шелковой же подкладке. Кольца, на которых передвигались занавеси, замаскировывались длинной бахромой. У постели всегда ставилась ножная

скамейка или даже устраивалась ступенька. На полу расстился ковер. Конечно, прихотливый вкус богатого горожанина сказывался и на внешнем виде постели; как другие предметы домашнего обихода, так и постель украшалась богатой резьбой и нередко представляла собою весьма изящную вещь. В иных до-

мах, вместо балдахина, устраивали нечто в роде глубокого деревянного шкафа, открытого с одной стороны и имеющего отверстия для доступа воздуха с другой; в подобном шкафу помещали постель. (См. рисунок, изображающий домашний орган).

Из других предметов домашней обстановки заслуживают нашего внимания большие шкафы для хранения платья и белья. Делались они обыкновенно из дуба или ясеневоего дерева. Их матовая поверхность покрывалась резьбой и рисунками. Последние раскрашивались разноцветными красками. Весьма многие из средневековых шкафов сохранились до настоящего времени. Подобно шкафам, красивой отделкой отличались сундуки и ларцы, предназначавшиеся для хранения белья.

Заглянем теперь в кухню, для чего мы должны оставить верхний этаж и спуститься снова вниз. В углублении её помещается очаг под колпаком, достигающим до самого потолка. Над огнем, разложенным на очаге, висит на цепях большой котел. Вдоль стен стоят столы. На полках и в небольших висячих шкафах расставлены необходимые для приготовления пищи приборы: небольшие сосуды, ножи, ложки и др. Здесь вы видите глиняные кувшины разнообразной формы, высокие кружки из желтой меди с ручками и крышками, ступки.

В жилище, рассмотренном нами, мы встретили уже много предметов роскоши. Прошло еще немного времени, и дома богатых бюргеров превратились в дорогие дворцы с великолепной обстановкой: драгоценными плитами, яркими коврами, изящными стеклянными окнами, тонкой резьбой, золотой и серебряной посудой. Одним словом, и в среду немецкого купечества проникла та ослепляющая роскошь, которой так славились еще раньше нидерландские горожане-капиталисты, а также и парижские купцы. Роскошной

обстановке соответствовали роскошные костюмы. Богатства и роскошь, появившаяся благодаря им, заметно отразились на самом характере горожанина-капиталиста. Следующие два рассказа очень хорошо характеризуют городских богачей. В конце XIII века прибыл по делу ко двору французского короля один

нидерландский купец. Несмотря на свой богатый костюм, на свой великолепный плащ, вышитый золотом и унизанный жемчужинами, купец должен был стоять, так как стулья и скамьи предлагались только лицам духовного и дворянского сословия. Не долго думая, гордый купец снял с себя свой дра-

гоценный плащ, свернул его и уселся на нем. Когда прием кончился, и купец выходил из дворцовой залы, королевский служитель заметил оставленный им на полу плащ, поднял его и подал купцу. Но последний отвечал, что не имеет обыкновения уносить с собою скамеек, и оставил свой плащ в пользу королевского служителя. Когда французский король Филипп IV Красивый посетил вместе со своей супругой два нидерландских города (Гент и Брюгге), горожане встретили их так роскошно, местные купчихи разodelись в такие костюмы, украсили себя такими драгоценностями, что королева Анна невольно заметила: „мне казалось, что здесь только одна королева, а я вижу их более шестисот“. Такие же нравы проникли мало-помалу и в среду немецких горожан. Впрочем, и это стремление к роскоши, и это высокомерие рассматриваются совершенно справедливо, как ответ со стороны горожан на ту надменность, с которою относились к ним высшие сословия. Надевая на себя роскошные костюмы, окружая себя блестящей, дорогой обстановкой, горожанин находил во всем этом некоторое удовлетворение оскорбляемому в нем чувству человеческого достоинства. К чести горожанина-богача следует отнести его широкую благотворительную деятельность. Он тратил большие деньги не только на безумную роскошь, но также и на пользу меньшей, нуждающейся братии, содействовал устройству больниц и домов для призрения бедных.

Свадьба.

Средние века было меньше старых холостяков, чем в наше время. Свадьбы совершались чаще и происходили в более раннем возрасте, чем теперь. Неженатый человек в некоторых городах не мог рассчитывать на повышение. Так например, в последней четверти XV столетия был издан в Аугсбурге закон, по которому холостяк не мог сделаться ратманом. В цехах (см. о них следующий очерк) постепенно установился обычай, в силу которого неженатый человек не мог получить звание мастера. Вдовцы и вдовы также большей частью женились и выходили замуж. Вдовцы вступали в новый брак спустя каких-нибудь 6—8 месяцев по смерти жены. Хотя вдовам полагалось оставаться таковыми в продолжение целого года, который и назывался „годом плача и скорби" (ein Jahr der Klage und des Leids), но они выходили замуж ранее этого срока. Девушки 14-ти или 14¹/₂ лет уже выдавались замуж. Обручали же восьмилетних. Обручение считалось в то время главным актом, церковное же бракосочетание только скрепляло его. Сватовство и обручение состояли из трех важнейших моментов. Прежде всего уговаривались относительно подарка, который будет сделан невесте женихом, и о приданом, которое будет дано за невестой. После этого отец давал свое согласие на выдачу дочери замуж, а жених — на женитьбу. Наконец, отец невесты и жених ударяли по рукам, и обручение считалось совершившимся. С течением времени, обязательства, которые раньше были устными, стали записываться. Такой контракт составлялся в присутствии свидетелей. За обручением происходила обыкновенно пирушка в не-

вестином доме, в ратуше или даже, что особенно странно на наш взгляд, в монастыре. В Нюрнберге в 1485 году были запрещены какие бы то ни было празднества в монастырях. Пирушки, следовавшие за обручением, сопровождались танцами и попойкой.

Но, вот наступало время совершиться свадьбе, приближалось „высокое время“ (hohe Zeit), как называли тогда день свадьбы. Дело происходило обыкновенно поздней осенью, „когда полны житницы и погреба, когда наступает время покоя и для поселянина, и для моряка“. В иных случаях приглашала гостей на свадьбу сама невеста, в иных занимались этим лица, нарочно для этого дела избираемые женихом и невестой (Hochzeitlader). Они разъезжали верхами в сопровождении нескольких всадников. Они нарочно брали с собою такого человека, который слыл за балагура, умел говорить прибаутками и рифмами, что должно было придавать всему посольству особенно веселый характер. (Такой балагур назывался Hängelein или Hegelein). Случалось, что участвующие в посольстве наряжались, и устраивалось таким образом нечто в роде маскарада. Любили созывать гостей побольше. Чтобы ограничить размер празднества и расходы, им поглощаемые, городские советы препятствовали большим собраниям и устанавливали нормальное число гостей, больше которого приглашать запрещалось.

За несколько дней до свадьбы или даже накануне её происходило торжественное шествие невесты в баню, где танцевали и пировали. Этот обычай схож с нашим „девичником“.

Наконец поднималось солнце радостного, желанного дня. В одних местах это был четверг, в других пятница. Бракосочетание совершалось обыкновенно днем и даже утром, вскоре после обедни.

Свадебное торжество открывалось процессиями, сопровождавшими жениха и невесту в церковь. Отправлялись они в церковь не вместе. Невеста ехала с подругами, а иногда также и с шаферами в экипаже, запряженном четверкой. На невесте—красное атласное платье, кисейный воротник, богато отделанный серебром пояс. На голове у неё легкий венец, осыпанный жемчугом. Жемчуг и великолепное золотое шитье покрывают её башмаки. Жених со своими провожатыми ехали верхом. И перед невестой, и перед женихом двигались музыканты с флейтами, скрипками, трубами и барабанами. Само собою разумеется, что процессии эти совершались и пешком в тех случаях, когда церковь была близко. Представьте только себе подобное шествие. Музыка, разноцветные и новые одежды, веселые лица, говор, смех, кругом знакомая уже вам панорама средневекового города, а наверху голубое небо, серебристые облачка и яркое солнце, озаряющее всю картину своими золотыми лучами! Когда процессия приближалась к собору, последний как бы приветствовал ее колокольным звоном. Чтобы пономарь не ленился и не скупился, его угощали вином.

Процессия приблизилась к собору. Гостеприимно раскрывался его главный вход. Каменные изображения святых, окруженные каменными же кружевами и цветами, как будто оживились при блеске солнца, в присутствии такого живого собрания, и милостиво смотрят на проходящих под ними людей.

Чудное зрелище представляет внутренность готического собора. Простор, высота, группы соединенных друг с другом высоких колонн, поддерживающих собою стрельчатые арки, переплетающиеся остrokонечные арки высокого потолка, все это поражает вас, возвышает ваши чувства, ваши мысли, как бы поднимает самих вас все выше и выше.

Только спустя некоторое время начинаете вы осматриваться, осваиваться с отдельными частями грандиозного целого. Только тут вы останавливаете взоры и на высоком алтаре в углублении апсиды *), и на роскошной проповеднической кафедре, украшенной скульптурными изображениями и высоким навесом, только тут вы замечаете изваяния под верхними громадными окнами, окаймляющими дивным кружевом весь средний неф **), только тут вы начинаете разглядывать разноцветные изображения на стеклах. Колоссальная роза ***) над входом, вся составленная из разноцветных стекол, надолго приковывает к себе ваше внимание. Невольно задумываешься, невольно углубляешься в себя.

„Когда вы — говорит один иностранный исследователь — вступаете под эти смелые своды, вам чудится, что вас охватывает, завладевает вами новая родина. Она распространяет вокруг вас атмосферу меланхолической мечтательности. Вы чувствуете свое освобождение от жалкого рабства, создаваемого мирскими привязанностями, но в то же время вы ощущаете более крепкие, более обширные связи. Кажется, что Бог, Которого пытается представить себе наша ограниченная природа, обитает на самом деле под этими сводами и нисходит здесь до непосредственного общения со смиренными христианами, преклоняющимися перед Ним. Здесь ничто не напоминает человеческого жилища, здесь забыто все, что окружает наше жалкое существование. Тот, Кому воздвигнут этот дом, — Силен, Велик, Дивен; как Отец милосердый, принимает Он в Свое обиталище нас, слабых, малых,

*) Апсидой называется полукруглая, выступающая часть здания. Обычно она была против главного входа.

**) Часть храма между главным входом (порталом) и противоположным концом здания (апсидой).

***) Огромное круглое окно над порталом.

бедных... Средневековое христианство отыскало в готическом стиле гибкий и выразительный, наивный и глубокомысленный язык, который говорил душе, исполненной святого упоения, переливал в неё свою невыразимую поэзию".

Свадебная процессия проникла во внутренность храма. Жених с невестой направляются к главному алтарю. Звуки органа гремят над ними, наполняют собою весь собор. Началось священнодействие, и скоро пронесли над присутствующими слова священника: „я соединяю вас в супружество во имя Отца, и Сына, и Святого Духа" (*Ego conjungo vos in matrimonium in nomine Patris, et Filii, et Spiriti Sancti*). И снова запел орган.

Молодые вышли из собора. Жених шел впереди и, дойдя до дома своего тестя, не входил в дом, а дожидался молодой. Когда последняя подходила к дому, он встречал ее. Слуга приносил поднос с фляжкой вина и стаканом. Наполненный вином стакан обходил всех присутствующих гостей, после них пил молодой, а за ним новобрачная. Выпив вино, она перебрасывала кубок через голову. После этого один из шаферов снимал с новобрачного шляпу и покрывал ею голову его молодой жены. Этот обряд как бы облакал ее властью. Сейчас же она первая входила в дом, а за ней все остальные. Разумеется, прежде всего молодые принимали поздравления. Дамы и девушки подходили к невесте, мужчины к жениху. Тогда же подносились и свадебные подарки. На одной свадьбе, праздновавшейся в половине XV века, было поднесено новобрачным 30 серебряных чаш и кубков, ожерелье, золотой пояс и более тридцати золотых колец. Во время поздравлений и подношений играла музыка, пелись песни, и так проходило время до обеда. Начало последнего возвещалось барабанным боем. После обеда начинались танцы,

продолжавшиеся до самой полночи. Во время отдыха разносились конфеты, вино, пиво и другие угощения. С наступлением полночи составлялась новая процессия. Невесту отводили в назначенный для этого покой. Большой частью ее сопровождали родные и шафера, но случалось, что провожатыми делались все присутствующие. Впереди несли свечи, играла музыка, одним словом получалось впечатление большого торжества. Молодую вел один из шаферов. Когда процессия приходила в опочивальню, шафер усаживал молодую и снимал с её левой ноги башмачок. Этот башмачок передавался потом одному или нескольким холостякам, бывшим на свадьбе. Надо предполагать, что этим подарком высказывалось пожелание, чтобы получающий его поскорей оставил холостую жизнь.

Следующий за свадьбой день начинался тем, что молодые обменивались подарками (Morgengabe). Подарки вообще составляли неотъемлемую принадлежность свадьбы: дарили друг друга новобрачные, последним подносили подарки съехавшиеся на свадьбу гости, родители невесты—в свою очередь—дарили различные вещи гостям и слугам, посылали деньги и пищу беднякам, странствующим ученикам, сторожу главной городской башни, слугам при ратуше, слуге погреба, посещавшегося женихом, его учителю, банщику; не забывали при этом палача и могильщика. Городские советы постоянно стремились уменьшить расходы, соединенные со свадьбами, и, между прочим, ограничивали свадебное торжество одним только днем. Так было, например, в Нюрнберге. Городской совет этого города, определив точно число лиц, приглашаемых на свадьбу, разрешал приглашать лиц, не бывших на свадьбе, преимущественно подруг невесты и её знакомых дам, на другой день после свадьбы. Для этого устраивался завтрак, главным

блюдом которого была яичница; тут подавались различные печенья, овощи, сыр, вино, но яичница превенствовала и украшалась искусственными цветами. Вечер второго дня заканчивался весьма оригинальным „кухонным танцем" (Kuchentanz). Приглашавшиеся, вопреки постановлениям городских властей, гости становились при этом зрителями. Танцевала прислуга, при чем каждый из слуг имел при себе какой-нибудь предмет своей специальности, как напр. повар — ложку, заведовавший вином — кружку и т. п. На третий день после свадьбы, если, впрочем, последняя происходила летом, совершалась веселая прогулка в разбитый за городскими стенами сад (Gartenfahrt).

Все свадебные торжества заканчивались тем, что новобрачных отводили в их собственный дом. Но бывали случаи, когда молодая долгое время вместе с мужем проживала в доме своих родителей. Нередко подобное проживание предусматривалось контрактом. Перед нами документальное известие. Один бюргер из Франкфурта (Sifried Völker) помолвил свою дочь (за Адольфа Кноблауха) и обещался содержать молодых в своем доме, на своем иждивении целых четыре года после свадьбы („in sinem huse und in siner koste zu halten"), или, в противном случае, уплачивать им по 50 гульденов в год в продолжение того же самого периода времени.

Цехи.

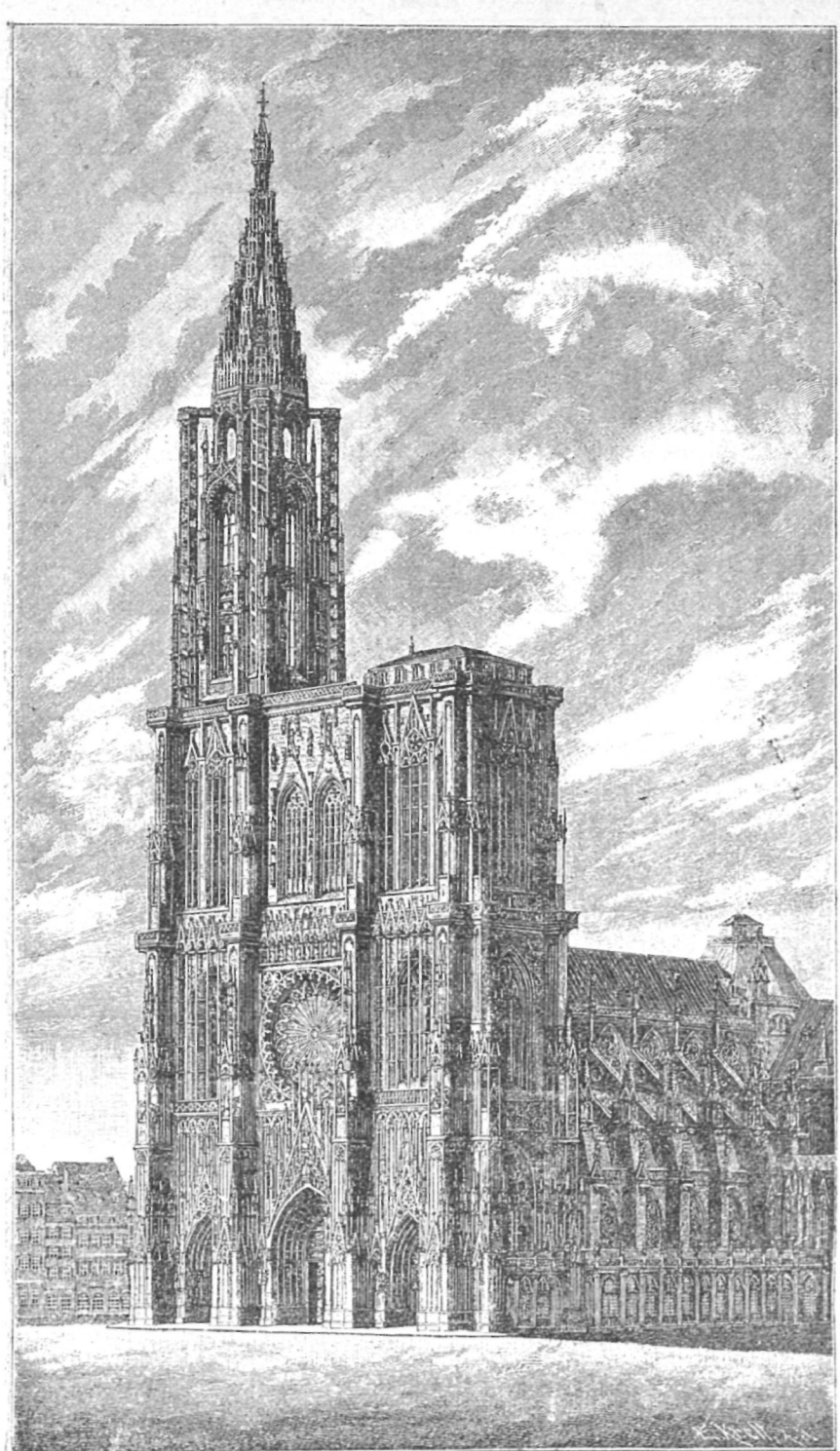
ервоначально городскую общину составляли только потомки первых городских поселенцев, называвшиеся *родами*, а впоследствии — *патрициями*. Прочие городские обыватели составляли низший слой

городского населения. Они платили родовитым гражданами подать и не имели никаких политических прав. Таким образом, городское население разделялось на знать и народ. Но, с развитием промышленности и торговли, зашевелились и низшие слои городского населения, мелкие торговцы и ремесленники. Они стали группироваться в общества, которые постепенно приобретали право избирать себе из своей среды старшин и управляться ими. Подобные общества и известны под именем *цехов*. Права цехов уступались им не без борьбы, и вот такая-то борьба занимает не мало страниц в истории любого средневекового города на Западе.

Таким образом, западноевропейское общество продолжало развиваться. В XI веке один французский епископ (Адальберон) в послании своем, написанном, как и все писалось в ту пору, на латинском языке, высказал следующее положение. Все люди делятся, на подобие Святой Троицы, на три класса: первый класс — духовенство, второй — дворянство и третий — виланы *) и крепостные. Призвание первого класса — молитва, второго — битва, а третий класс существует для того, чтобы кормить два первых класса. Без этого — прибавляет поэт-епископ (послание написано стихами) — низший класс не имел бы никакого права на жизнь. Но немного времени прошло, и выступил вперед новый класс — свободные горожане, управляемые городскими советами. Городское население стало слагаться в определенные формы: возникли цехи, братства или гильдии ремесленников.

Цехи или гильдии ремесленников организовывались постепенно. Не только в разных городах число их было различно, но даже в одном и том же городе число цехов не всегда было одно и то же. Например,

*) Лично свободные земледельцы.

в XIII веке в Страсбурге было только 9 цехов, в XIV столетии число их увеличилось в три раза, а потом снова уменьшилось до 20-ти. Сначала ремесленники, занимавшиеся однородным ремеслом, составляли один цех, а потом этот цех начинал разбиваться на самостоятельные целые. В XIII веке разделились кузнецы, оружейники, ножовщики, слесаря и друг. В отдельные общества выделились ремесленники, приготавливавшие цепи и гвозди. В свою очередь оружейники разделились на новые общества: одни работали над шлемами, другие над щитами, третьи над панцирями и т. д. Не принадлежащему к тому или другому цеху нельзя было заниматься никаким ремеслом. Это разделение приносило громадную пользу в том отношении, что отдельные части известного предмета вырабатывались безукоризненно хорошо; неудобство же заключалось в том, что один и тот же предмет должен был пройти целые ряды рабочих рук. Кроме того, ни один из работников не мог сделать целого предмета.

Во главе каждого цеха стоял цеховой старшина, управлявший всеми заведениями данного цеха. В каждом отдельном заведении работой заведовали *мастера* (Meister, maitre), помощниками их были *подмастерья* (Geselle, compagnon), а под руководством последних работали *ученики* (Lehrling, apprenti). Число подмастерьев и учеников у одного и того же мастера точно определялось цеховым уставом.

Ученик поступал к мастеру на известное время, на выучку. За это он вносил в ремесленную кассу небольшую сумму денег. По прошествии условленного срока (от 6 до 8 лет), цех возводил ученика в звание подмастерья, предварительно убедившись в том, что он обладает необходимыми для этого познаниями. Подмастерье уже получал определенное жалованье и право переходить от одного мастера к

другому, но оставаясь в зависимости от своего цеха. Если подмастерье желал сам сделаться мастером, ему необходимо было совершить путешествие для большего ознакомления со своей специальностью и потом выдержать особое испытание. Собрание мастеров данного цеха рассматривало заданную ему для исполнения работу, и, в случае её удовлетворительности, подмастерье удостоивался звания мастера. Мастер получал право открыть свое собственное заведение и становился полноправным членом цехового собрания. Подмастерья подвергались строгому наблюдению, и, кроме знания своего дела, от них требовалось еще хорошее поведение. Те из них, которые совершали что-либо позорное, исключались из своей среды и не могли уже рассчитывать на вторичное принятие в нее. Цеховые законы устанавливали различные правила, обязательные для мастеров. Эти постановления касались не только самого мастерства, но и личности, и частной жизни самих мастеров. Таким образом, подмастерья стояли под наблюдением мастеров, а мастера обязаны были строго исполнять цеховые уставы. Что касается учеников, они были на положении детей, несовершеннолетних. Принятие ученика в заведение отличалось известной торжественностью. Часто оно происходило в ратуше, перед ратманами. Здесь мальчику объясняли его обязанности, как служебные, так и нравственные. Ему вручался особый ученический билет, и после этого он отпускался к мастеру. „Мастер, берущий к себе ученика, — говорят тогдашние уставы — должен содержать его день и ночь в своем доме, давать ему хлеба, усердно заботиться о нем, держать его за крепко запертой дверью". Многие цеховые уставы вменяли в обязанность мастерам одевать своих учеников. Вот что говорилось также в то время: „ученик обязан повиноваться своему мастеру, как родному отцу; утром и вечером, и во

время работы он должен просить у Бога покровительства и помощи, потому что без Бога ничего нельзя сделать... Ученик должен слушать мессу и проповеди по воскресным и праздничным дням и полюбить хорошие книги... Он должен дорожить честью своего мастера и не позорить своего ремесла, ибо оно — свято, и сам он, может быть, сделается когда-нибудь мастером над другими, если захочет того Бог, и если сам он того заслужит... Если ученик теряет страх Божий в сердце своем или грешит непослушанием, его должно сурово наказывать; это принесет благо душе его, а тело должно пострадать, чтобы душа была в лучшем состоянии"... Цеховые уставы, дававшие большие права мастерам над учениками, выражали заботливость и о последних. „Мастер должен так законно исполнять все свои обязанности по отношению к ученику, он должен так верно, так ревностно знакомить его со своим ремеслом, чтобы мог спокойно ответить за это перед Богом". Но виновного мастера постигало также и человеческое наказание. Если случалось, что в конце срока, назначенного для учения, ученик не знал хорошо своего дела, по вине своего мастера, его передавали другому мастеру, а прежний хозяин его должен был внести за него плату, а сверх того установленный штраф в цеховую кассу.

Возведение ученика в звание подмастерья происходило в цеховом собрании. Каждого из мастеров спрашивали о познаниях предстоящего, а последнего спрашивали, не заметил ли он, обучаясь у своего мастера, чего-либо несогласного с интересами его ремесла. Если он заметил что-либо подобное, то обязан был высказаться немедленно здесь же, а потом дать обещание хранить по поводу этого полное молчание. После всех этих расспросов, удостоверившись в нравственных достоинствах испытуемого.

приступали к подаче голосов. И молодой человек объявлялся заслуживающим звания подмастерья. Последние подчинялись определенным правилам: вечером они обязаны были возвращаться в определенный час (в 9 или 10 час), ночь проводить непременно в доме мастера, не имели права приводить с собой ни подмастерья, ни ученика другого мастера. Игры, особенно игра в кости, были им воспрещены. Но подмастерья все же считались свободными людьми и имели право носить оружие. Последнее право, как вредившее нередко общественному спокойствию, стало сильно ограничиваться ратами. Стремясь оградить свои интересы, кем и как бы они не нарушались, подмастерья стали составлять свои товарищества, компании, стали сходиться в избранных ими для этого помещениях. Эти собрания составлялись по образцу цеховых. Целью этих собраний были также развлечения. Забавы, которым предавались подмастерья немецких городов, иногда отличались известною оригинальностью. Для примера остановимся на описании одной из процессий, устраивавшихся ежегодно товариществом подмастерьев башмачного цеха в городе Нюрнберге. Эта процессия называлась „банной“. Во время карнавала, в определенный день, собирались в своем общественном здании подмастерья-башмачники, здесь они надевали на себя белые купальные костюмы, головы покрывали такими же белыми шапками и в таком виде, предшествуемые музыкантами, шли по улицам города в баню. Возвращение из бани в здание товарищества совершалось в том же виде и в том же порядке. День оканчивался общим пиром. Но еще большей оригинальностью отличалась праздничная процессия булочников в другом немецком городе (во Фрибурге в обл. Брисгау). Их церковью была домовая капелла местного Свято-Духовского госпиталя. Они собирались в день Нового

года в госпитальном зале, а потом со знаменами и музыкой ходили по городским улицам. На знаменах их красовался огромный крендель. Они таскали с собою Рождественскую разукрашенную елку. Главный из ремесленников тряс ее, а непрерывно падавшие с веток печенья и фрукты могли подбираться бедным людом. Праздник оканчивался пиром и танцами. Собирались ремесленники-подмастерья в свои общественные здания и для беседы о своих делах. Члены братства созывались обыкновенно следующим образом. Посланному вручали какой-либо предмет, имеющий символическое значение; например, кузнецам посылался гвоздь или молоток, и начинал гулять этот гвоздь или молоток от одного верстака к другому, пока не обходил все. Собрания происходили под председательством старшего подмастерья. В его руках была палка, как знак его первенства в собрании, а для установления тишины он прибегал к стуку молотком или ключом.

Связью между членами одного и того же цеха служили, кроме общего дела, религиозные интересы. Каждый цех имел своего особого покровителя (патрона) в среде святых; патроном плотников считался Св. Иосиф, сапожников — Св. Криспин, лекарей — Свв. Косма и Дамиан... Большинство цехов имели в городских церквах свои собственные приделы или, по крайней мере, свой отдельный алтарь (престол). Здесь собирались члены цеха в дни, посвященные памяти их патронов, для присутствия при отпевании покойного собрата, для слушания заупокойных месс, отправлявшихся по усопшим сочленам, для торжественных крестных ходов. Каждый цех имел, кроме того, свое собственное помещение, куда и сходились все мастера, принадлежавшие к данному цеху. В этих помещениях справлялись иногда свадьбы, при чем вносилась установленная

плата в цеховую казну. В собраниях религиозного характера, а также и в общественных развлечениях принимали участие женщины и дети.

Из денежных сумм, которые вносились каждым членом цеха, составлялась касса, из которой выдавались пособия заболевшим или вообще подвергшимся какому-либо несчастью членам цеха. Заведовал кассой цеховой старшина.

Внешним выражением единства для каждого цеха был его герб, изображавшийся на цеховой хоругви *). Нередко на хоругви помещалось изображение святого, покровительствующего цеху. Бывали также гербы с изображением какого-нибудь предмета, имеющего отношение к занятиям данного цеха. Наконец, нередко становился цеховым гербом отличительный знак дома, принадлежавшего цеху (см. первую главу). Так, например, были цехи „зеркала“, „цветка“, „медведицы“ и т. д. В некоторых городах лица, принадлежавшие к известному цеху, носили платье какого-либо избранного цехом цвета.

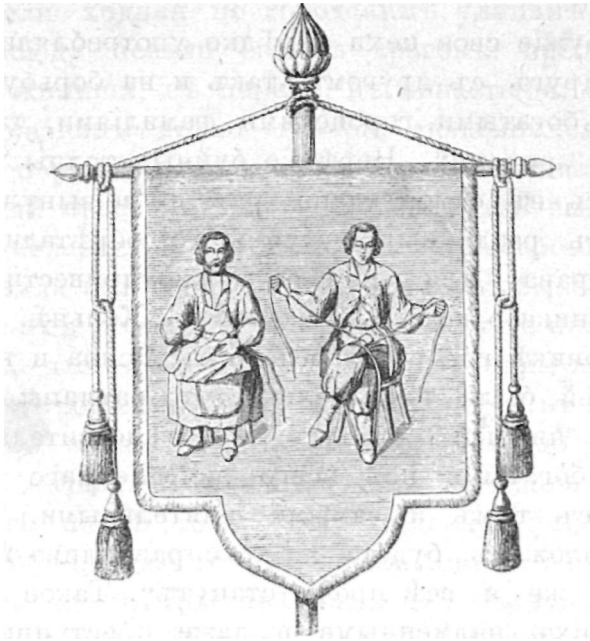
В преимущества цехового устройства верили в ту пору так сильно, что группировались в цехи не только ремесленники, но также и учителя, нотариусы, музыканты, могильщики и другие. Цеховым характером отличалось общество певцов. Ландскнехты *) также группировались в общества, отправлявшие свой суд, отстаивавшие сословную честь, совершенно по образцу ремесленников, из которых они, впрочем, большей частью и происходили. Каменщики — строи-

*) Прилагаемый здесь рисунок представляет хоругвь цеха башмачников. Две фигуры указывают на то, что в состав этого цеха входили два общества: одно из них занималось изготовлением новой обуви, а другое чинило старую.

**) Наемные войска. Основание этого вида войска приписывается Георгу фон Фрундсбергу „отцу ландскнехтов“. Раньше военную службу несли, как феодальную повинность, теперь ее стали нести по найму.

тели храмов (*francs maçons*) также составляли особый цех, многие обряды которого были заимствованы позднейшими франк-масонами *). Подобные же общества составляли и торговцы.

Каждый цех представлял собою военную дружину. Ученики подчинялись подмастерьям, подмастерья — мастерам, а последние — цеховому старшине. Вооружение этих дружин состояло из железной шляпы, толстого кафтана, из легкого проволочного

или жестяного панциря и железных перчаток. Впрочем, однообразия в вооружении не было, и более обеспеченные могли являться в более солидном вооружении. Первоначальным оружием были лук и стрелы. Потом присоединились к ним арбалеты, а с изобретением пороха, и огнестрельное оружие. В походе во главе каждого цеха несли его знамя. Цехи

*) Общество франкмасонов особенно распространилось в прошлом столетии. Целями его были нравственное самосовершенствование и благотворительность.

поставляли преимущественно пехоту, но в некоторых городах существовали постановления, обязывавшие тот или другой цех выставять определенное количество всадников. В мирное время все эти воины работали по разным мастерским, но стоило только прозвучать сигналу об угрожающей городу опасности, как ремесленники бросали свои молоты, ножи, пилы, иглы и другие орудия своего ремесла, вытаскивали на свет Божий свое оружие и направлялись в назначенное место.

Но оружие свое цехи нередко употребляли как на борьбу друг с другом, так и на борьбу с знатными и богатыми городскими фамилиями, так называемыми „родами". Нередко буйные толпы цеховых врывались в самое здание ратуши и вынуждали от ратманов различные уступки, приобретали у них новые права. Для примера можно привести рассказ современника о восстании ткачей в Кельне. В городской хронике говорится об них: „сила и высокомерие ткачей были так велики, что ратманы не имели с ними никакого сладу". Они, действительно, были самыми богатыми из всего ремесленного класса, а вместе с тем и самыми влиятельными. „На чем ткачи положат, будет ли то справедливо или нет, на том же и все прочие станут". Такое положение делало их надменными и даже преступными, так как они надеялись на полную безнаказанность. Как-то двое из них учинили в городе грабеж. По закону им грозила за это казнь. Но товарищи постановили освободить своих, зашумели, заволновались. И, действительно, им удалось вырвать одного преступника из рук властей и увести его с собою. Но скоро распространилась по всему городу молва как о преступлении двух ткачей, так и о дерзком, противозаконном поведении их цеха. Уже довольно долгое время другие цехи относились к ткачам враждебно,

не доставало лишь повода к тому, чтобы вражда эта выступила наружу, и вот повод представился сам собою. Забили в колокола на башне ратуши, развернули городское знамя ратманы, торговцы и другие цехи бросились на зачинщиков смуты. Сначала ткачи выдерживали натиск, но скоро должны были уступить подавляющему большинству и разбежались во все стороны. Много их было перебито, много семей понесли невозвратимые утраты! Значки ткачей были поломаны. Победители ходили по городским улицам с музыкой и всюду искали своих врагов: врывались в частные жилища, в церкви, в монастыри. Городской совет казнил всех ткачей, попавшихся ему в руки в первый день; в числе их находился и освобожденный преступник. Семьи наиболее выдающихся членов ненавистного цеха пострадали особенно сильно. Их изгнали из города, имущество их было отобрано. Беднейших пощадили, но рат взял с них клятву в том, что они будут безусловно покоряться ему. Свое вооружение они должны были снести в ратушу, а прекрасное здание их цеха было скрыто до основания. Тяжелые, страшные дни пережили граждане Кельна!

Вскоре после только что описанного случая возникла в том же городе новая борьба. Рат, утвердив свою власть победой над цехом ткачей, скоро возбудил горожан против себя своим пристрастием, своей несправедливостью. Но между родами, заседавшими в ратуше, происходили раздоры. Во главе одного из родов стоял некто Хильгер (Hilger von der Stessen). Добившись того, что многие члены враждебного ему рода были удалены из городского совета, а некоторые были изгнаны и из самого города, он замыслил поступить так же и с другими родами. Желая взволновать население, Хильгер распустил заведомо ложный слух о том, что в ближайшую ночь архиепископ сделает на город напа-

дение. Забили в набат, сошлись вооруженные дружины. Сам Хильгер простоял во главе их целую ночь. Но, конечно, нападения не было. Тогда Хильгер обратился к дружинам с речью, в которой обвинял враждебный ему род в недоброжелательстве к народу и достиг того, что вооруженные люди бросились рыскать по улицам. Жестоко поплатились бы несчастные, если бы заблаговременно не спрятались от готовой на всякие неистовства толпы. Цель Хильгера во всяком случае была достигнута, так как его недруги должны были помышлять теперь только о собственном спасении. После этого, по проискам Хильгера, император Венцель назначил его уголовным судьей. За это новый уголовный судья обещался императору ввести в городе новую подать и половину её посылать в императорскую казну. Теперь он задался целью произвести в городе новые смуты, поссорить горожан с архиепископом, с папой, и в решительную минуту выступить в роли примирителя и заступника. Но вскоре обнаружилось все его происки; его друзья и пособники были изгнаны. Проступки его дяди и ближайшего помощника, бывшего одним из бургомистров, были занесены в особую „клятвенную книгу“. Что заносилось в эту книгу, должно было оставаться в ней навсегда; к ней вполне, можно сказать, применялась известная поговорка „что написано пером, того не вырубишь топором“. Таким образом, бывший бургомистр был подвергнут вечному изгнанию. Наконец, виновник всей смуты был вынужден отказаться от должности уголовного судьи. Но он и не думал примириться с совершившимся. Его дом сделался местом, куда стали собираться все недовольные новым городским советом; беседуя с ними, Хильгер стал составлять заговор против городских властей. Горожане чуяли приближающейся смуты. „Тогда — говорит городская хро-

ника — случилось в Кельне большое землетрясение; дома колебались; горшки, поставленные на полках, ударялись об стену. Спустя восемь дней выпали огромные градины величиной с куриное яйцо, они убивали птиц на лету, ломали деревья и уничтожили посевы так, как будто бы кто-нибудь снял их серпом". Прежде всего Хильгер хотел добиться того, чтобы его дядя был возвращен к власти, чтобы запись, занесенная в клятвенную книгу, была уничтожена. Ратманы отказались исполнить его желание. Их враги положили перед ними раскрытую книгу, принесли чернила и кусок ваты. В продолжение тринадцати часов ратманы сидели без еды и питья, но, наконец, некоторые из них встали, обмакнули вату в чернила и замазали злополучную запись. Совет нарушил свой долг. Изгнанник вернулся в город. Тогда Хильгер стал еще энергичнее готовить ниспровержение рата. Он появлялся на улице, окруженный толпою ремесленников, составлявших его личную охрану. Его враги, заседавшие в совете, поняли неминуемую опасность и стали также готовить вооруженные силы. Но в решительную минуту цехи, стоявшие на стороне Хильгера, покинули его. Враги Хильгера сумели привлечь их на свою сторону, указавши им на всю опасность, которая может возникнуть от своевольного обращения с клятвенной книгой: вед в этой самой книге занесены их вольности и права! Им грозит опасность. Хотя Хильгеру, теперь уже окончательно побежденному, не удалось достигнуть своей цели, но он много содействовал укоренению в цехах смелости, он наглядно, так сказать, показал им слабость советников, раздоры родов. И цехи решили не класть оружия, действовать уже прямо в свою пользу и предъявили рату известные требования, сводившиеся к восстановлению тех прав своих, пренебрежение кото-

рыми со стороны рата и послужило главнейшей причиной всех смут. Когда же совет, согласившись на все в критическую минуту, не обнаруживал никакого желания исполнять обещанное и даже принял энергичные меры к подавлению отваги, пробудившейся в цехах, последние прибегли к новой борьбе. Роды были побеждены и согласились на установление совета нового образца: большая часть нового совета должна была состоять из представителей от цехов.

Нам пришлось говорить о Хильгере, но говорили мы о нем не ради его самого, а потому, что его действия прекрасно рисуют ту междоусобную борьбу, которая разражалась, как гроза, в стенах средневекового города. Вам ясны теперь и характер борьбы, и приемы действующих лиц, и средства, употреблявшиеся ими. А представлять себе ясно подобную борьбу весьма полезно. Следует только вспомнить, что описанная здесь борьба цехов и родов—характернейшее явление в жизни средневекового города.

В заключение нельзя не заметить, что во время подобных междоусобиц, особенно же во время столкновения с городскими советами, мастера прилагали все старания к тому, чтобы между ними и их подмастерьями и учениками установились самые хорошие отношения.

Самобичевальщики-флагелланы.

роме страшных эпидемических болезней, уносивших в средние века бесчисленное количество жертв, много страдало население тогдашних городов и деревень от своеобразных вспышек религиозного экстаза. Крайнее религиозное воодушевление, выражавшееся в диких, необыкновенных

проявлениях, иногда охватывало народные массы, по-видимому, без всякой причины. Но в большинстве случаев, причинами его были суеверные представления или какое-либо поголовное бедствие, в роде „черной смерти“ — грозной эпидемии, совершавшей в средние века свои опустошительные нашествия. Стоило только распространиться молве о скорой кончине мира, о приближающемся Страшном Суде, или о наступлении нового, третьего периода мировой жизни, когда станет царствовать Дух Святой, обновятся Церковь и человечество, и дух одержит победу над плотью, как из глубины народных масс начинали подниматься вопли и стоны, раздаваться покаянные молитвы и удары бичей. Тоже самое происходило, когда разносилась молва о приближении какой-нибудь страшной болезни, от которой нет спасения, которая собирает обильную жатву на пути своем, которая в несколько дней и даже в несколько часов переносит людей с этого света „на тот свет“. Часто такие религиозные взрывы начинались с избиения евреев. Последних обвиняли в отравлении колодцев, разносили во все стороны это обвинение особенными посланиями, перелетавшими из города в город, и народные массы кидались в еврейские кварталы. Здесь соединялись в одно и страх смерти, и всегда подозрительная для народа обособленность евреев, и те притеснения, которые приходилось многим испытывать от них. Не раз и до подобной расправы жаловались христиане на безбожные еврейские проценты, не раз и до расправы указывали они на единственный, по их мнению, способ прекратить зло. Эти жалобы отразились и в тогдашней поэзии. Вот что говорил например австрийский поэт XIII века (Helbling):

Ужасно много развелось
У нас жидов. Взгляните, сколько!
И в этом наш позор и грех.

О, если б был я князем только,
Я приказал бы сжечь их всех... *)

Но, обратимся к главному предмету нашей беседы, к самобичевальщикам - флагеллантам. Увлекаемые крайним религиозным одушевлением, переходившем в безумие, собирались толпы в несколько сот человек, с красными крестами, со своими знаменами переходили из города в город, из села в село, посещали церкви, монастыри и кладбища, кидались на землю, заставляли своего предводителя ходить через них, бичевать их до крови.

Они составляли особые братства, с особым предводителем во главе, выбираемым всегда из среды светских лиц. Кто желал вступить в их общество, должен был предварительно исповедаться во всех своих грехах, дать клятву в беспрекословном повиновении вождю, отказаться от всяких житейских удобств и выгод, питаться подаянием. При входе в герберг (в гостиницу, на постоялый двор) и при выходе из него, каждый из сочленов должен был прочитать по пяти раз „Богородицу" и „Отче наш". Каждое утро он обязывался читать те же молитвы по 16 раз, кроме того, — 5 раз перед завтраком, 5 раз после него и 5 раз ночью. Поднявшись с постели, флагеллант должен был мыть свои руки, стоя на коленях; за столом он не мог произносить ни одного слова. Божба возбранялась. Возбранялась также и военная служба. В положенные дни все постились и подвергали себя бичеванию. Ложась в постель, брат-флагеллант клал туда же с собою и свой бич, чтобы всегда иметь его под рукой.

*) В подлиннике, с которого мы переводили, поэт обращается непосредственно к евреям:

und war ich ein furst ze nennen,
ich hiez inch alle brennen,
ir juden...

Представьте себе подобное братство на дороге к какому-либо городу. Оно торжественно направляется к нему, в особо установленном порядке, который составилась по образцу церковных процессий. Впереди несут зажженные свечи, кресты, дорогие шелковые или бархатные хоругви, увенчанные крестами, с вышитыми изображениями крестов. На их плащах с капюшонами, на груди и на спине нашиты красные кресты, сбоку свешивается наподобие меча бич с тремя узлами и иглами. На шляпах — также кресты. Когда процессия подходила к воротам, запевалы начинали духовный стих. Толпа подхватывала напев, и скоро их пенье разносилось по городским улицам. „Совершается—поют они—величественное шествие нищих: Сам Христос идет в Иерусалим, в руках Его крест... Помоги нам, Спаситель! Совершается благое шествие нищих. Помоги нам, Господи, Своей Кровью, Которую Ты пролил за нас на кресте, и покинул нас бедствующих!" *)

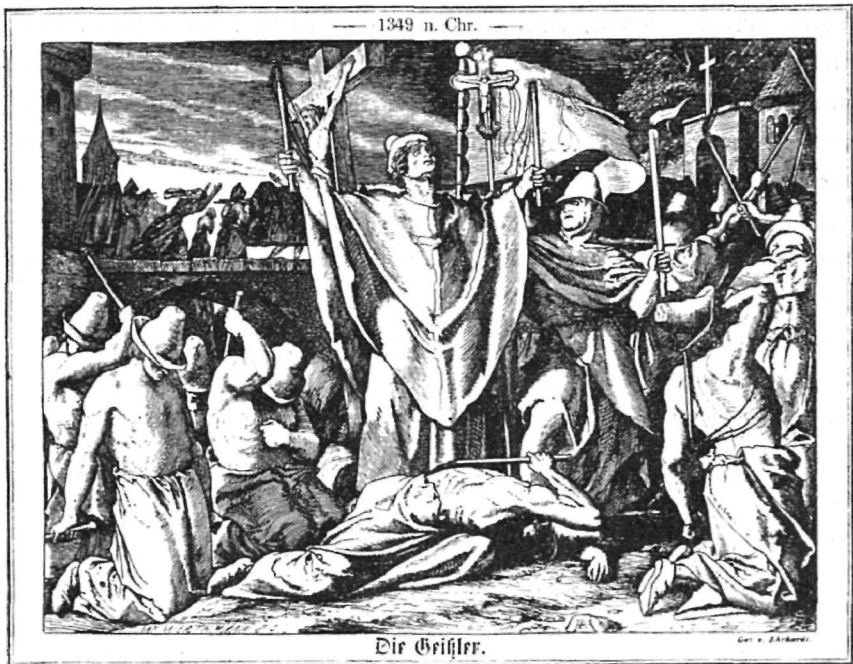
При входе их в город, на всех, церковных башнях начинали звонить в колокола. Первым делом флагелланты отправлялись в церковь, становились здесь на колени и пели: „Иисус подкреплял свои силы желчью; падем перед крестом Его". Потом они кидались на пол с распростертыми руками, изображая собою крест и оставались в этом положении, пока запевала не обращался к ним со словами: „теперь поднимите ваши руки, чтобы Бог отвратил великую смертность!" Хор три раза повторял этот

*) Nu ist die bettevart so her:
 Crist reit selber gen Jerusalem:
 er füert ein kriuze in siner hant,
 nu helf uns der heilant!
 Nu ist die bettevart so guot!
 hilf uns. herre, durch din heiliges bluot,
 daz du an dem kriuze vergossen hast,
 und uns in dem ellende gelossen hast!

возглас. Тогда горожане, находившиеся в церкви, зывали их к себе. Один приглашал к себе 20 человек, другой 12 или 10, каждый по своему достатку.

Спустя некоторое время, они выходили на городскую площадь или на кладбище и здесь публично исповедывались в своих грехах. Совершалась эта исповедь совершенно особенным способом. Они снимали с себя верхнюю одежду, подвязывали себе длинные передники, ниспадающие до самой обуви, затем ложились на землю, образуя собою большой круг. Ложились они в разных условных положениях, из которых каждое выражало собою тот или другой грех. Можно было, таким образом, по положению каждого видеть, в каком грехе он каялся. Предводитель начинал после этого обходить круг, шагая через каждого кающегося, касался его своим бичом и приглашал встать и впредь остерегаться греха. Каждый, через которого переходил предводитель, вставал и следовал за ним; шли они поодиночке. Когда последний из них также поднимался с земли, все они устанавливались в круг. Лучшие певцы затягивали духовную песнь, и братья, отделяясь поодиночке от хороводного кольца, обходили его и ожесточенно бичевали себя по спине, на которой выступала кровь. По временам вся эта однообразная церемония прерывалась коленопреклонением и падением на землю с распротертыми руками, а оканчивалась одеванием верхнего платья. Само собою разумеется, что площадь была запружена зрителями. Обыкновенно кто-нибудь из их среды начинал собирать подаяния в пользу братства бичующихся. Между тем зрелище не прекращалось. Один из флагеллантов поднимался на возвышение и читал копию с длинного письма, написанного, по его словам, самим Христом на мраморной доске. Эту мраморную доску принес с неба ангел и положил ее на алтарь Св. Петра *в Иерусалиме*. В письме

этом объявлялось всем верующим, что бедствие, ими испытываемое, есть наказание Божие за их грехи, за их неправду, безверие. Христос — говорится в нем — хотел уже совершенно уничтожить всех христиан за то, что они не соблюдают ни Воскресенья, ни Пятницы, между тем, как даже иудеи строго чтут свою Субботу. Только по просьбе Пресвятой Девы Марии и ангелов согласился Он отсрочить наказание... Кто исполняет заповеди Божьи, чествует Его празд-

ники и удерживается от греха, тому воздаст Христос вечною любовью. Кто не уверует в это письмо или скроет его, того постигнет Божья кара; а кто уверует и переписет его, и станет распространять среди других, на дом того человека ^{снизойдет} Господнее благословение. Чтению этого письма народ внимал в благоговейном молчании и верил всему. И какие серьезные последствия влекло за собой подобное посещение города странствующими флагеллантами! Когда

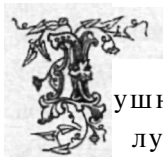

странники выходили из города с зажженными свечами, в таком же точно порядке, в каком входили в него, при колокольном звоне всех церквей, многих из горожан увлекали они за собою. Торжественно разносилось по улицам пение их: „Господь, Отец наш, Иисус Христос! Ты один только, Господь наш, только Ты можешь прощать нам грехи наши! Отсрочь еще час нашей кончины, продли нашу жизнь, чтобы мы могли оплакивать Твою смерть!“ *) Неудержимо рвались за ними, за выходящими из города, за теми, пение которых замирало вдали, и молодые люди. Матери не могли удержать дочерей своих. Запертые ими, они томились, рыдали и, пользуясь первым случаем, покидали родительский кров. Босые, полуодетые, без денег, без хлеба, они убегали из своего родимого гнезда. Присмет радостно горожанин гостей своих, напоит их, накормит, и что же? Ушли они, а с ними ушел и горячо любимый им ребенок. Точно болезнь лютая унесла его.

Да, это дикое исступление флагеллантов, это неотразимое влияние их были также своего рода эпидемией. И немало жертв уносила она. Она собирала их из-под уютного бюргерского крова, из светлой девичьей горницы, собирала их от плуга, с пастбища, собирала даже из под церковных сводов—служителей церкви. Многие уходили, но возвращались назад немногие, да и те—истерзанные, измученные...

*) O herre, vater. Jhesu Crist,
wann du allein ein herre bist,
der uns die sunde mac vergeben,
nu gevriste uns unser leben,
das wir beweinen deinen tot...

Городские увеселения.

душно было горожанину в узких, нередко полутемных улицах его города. Из улиц его тянуло на площадь, на кладбище, бывшее любимым местом прогулок (см. выше), но все же это был город. Те садики, которые разводились при частных домах, были весьма бедны, так как не было главных условий для их преуспеяния: простора и света. Недостаток места не позволял разбить сад в черте города, и потому такие, более просторные сады разводились за городскими стенами. Душно было горожанину. Прохладным вечером он с наслаждением садился на скамейку перед своим домом, задумчиво следил за наступлением сумерек, приветствовал первую засветившуюся в синеве небесной звездочку или беседовал со своими соседями. В праздничное время он спешил в свой загородный сад. Но все же этого было слишком мало, чтобы вознаградить его за долгую и тяжелую разлуку с природой. А любовь к природе жила в его груди. И как же трепетало сердце его, когда наступала весна, когда, солнышко сильнее пригревало, когда раздавался первый крик аиста, расцветала первая фиалка, и небеса как будто улыбались. Радостно покидал он свой город и шел в поле встречать весну. Великий германский поэт (Гете) заставляет своего героя Фауста любоваться с возвышения на долину, переполненную разряженными горожанами, справляющими здесь, под открытым небом, светлый праздник и совпавшее с ним начало весны. Фауст говорит своему товарищу:

Взгляни-ка отсюда на город, в долину;
Смотри, как из темных глубоких ворот
В нарядных костюмах выходит народ.

Как рад он! А радости знаешь причину?
 Все празднуют день Воскресенья Господня;
 Они ведь и сами воскресли сегодня:
 Из душных покоев, из низких домов,
 Из улиц, гнетущих своей теснотою,
 Из горниц рабочих, от ткацких станков
 Из храмов с таинственной их полутьмою
 На свет, на раздолье явились они!
 Сегодня их праздник! С какой быстротою
 Толпа разбрелась по долине! Взгляни,
 Как весело движутся эти лады...
 А вон—переполнен живою толпою
 Последний отчалил челнок. Вдалеке
 На горных тропинках, чуть видных отсюда,
 Пестреют их платья; сюда по реке
 Доносится шум деревенского люда.
 И старый, и малый—довольны одним,
 Здесь я человек, здесь могу я быть им.

Праздник весны сопровождался особым обрядом.
 Горожане несли с собою в поле соломенное чучело,
 изображавшее зиму или смерть, и здесь или топили
 его, или бросали в костер. Вся эта церемония сопро-
 вождалась весенними песнями. Вот точный перевод
 одной из них:

Весна, весна пришла!
 Пойдемте в сад и в поле
 Весну встречать на воле;
 За этими кустами
 Разбудим лето сами!
 Мы зиму полонили,
 Шестом ее прибили...
 Эй, палки поднимай,
 Глаза ей выбивай!

Во Франкфурте зажиточная и знатная молодежь по
 своему провожала зиму. Дело происходило в самом
 городе. Нарядившись в белые купальные костюмы,
 они носили по городским улицам одного из своих

товарищей на носилках, покрытых соломой. Товарищ должен был изображать скончавшуюся зиму, а все остальные представляли похоронную процессию. Обойдя город, они заканчивали свое празднество в каком-либо погребе за кружками вина, пели и плясали.

Особенно чествовали везде первое число Мая месяца. Во многих городах этот древний народный праздник справлялся с особенными церемониями. В этот день буквально наступало царство цветов. Цветы и зелень были всюду: и в церквах, и в домах, и на одеждах. Молодежь выбирала из своей среды распорядителя майского праздника, так называемого „майского графа или короля". Майский граф выбирал себе из девушек „майну" (Maiin). В лесу рубили деревцо, привозили его на место потехи, устанавливали там, и вокруг этого „майского дерева" царило бесконечное веселье, в котором принимали участие и старый, и малый. В других местах избранный майским графом, в сопровождении, своей тут же составившейся свиты, выезжал из города в соседнюю деревню. В лесу нарубался целый воз березок. Срубали их в присутствии майского графа и его свиты. Когда воз со свежей зеленью выезжал из лесу, на дороге нападала на него и отбивала его толпа горожан. Это должно было означать, что лето завоевано, что оно в их власти. Тут же зелень расхватывалась присутствующими, как какая-то драгоценность. Обыкновенно майский праздник сопровождался стрельбою в цель. Цех стрелков, разумеется, старался в этом случае отличиться на славу. Призы, раздававшиеся самым ловким стрелкам, состояли из серебряных ложек и других предметов из того же металла. Общество стрелков Рейнских городов приглашало иногда на свои праздники жителей соседних больших городов.

Чрезвычайно интересно праздновался также Иванов день — древнейший праздник во славу солнца. В это время — по древним верованиям — благословение проносится над каждой нивой, как благодатный ветерок, чудодейственные силы изливаются во всей своей полноте. Ночь перед этим днем горожанин проводил за городом. Когда наступали сумерки, на возвышенных местах разводились костры — „Ивановы огни“, на высоком берегу реки зажигались деревянные обручи и скатывались вниз, к воде. Оставшиеся на эту ночь в городе также веселились. На городских площадях зажигали костры, через них перескакивали, вокруг них танцевали. Знаменитый итальянец Петрарка описывает подобное празднество, бывшее в Кельне. Когда — говорит он — наступили сумерки, из узких городских улиц потянулись к Рейну толпы женщин. Они были одеты в праздничные платья, украшены в изобилии благоухающими травами и цветами. Они двигались, бормоча какие-то странные, непонятные слова. Двигающаяся вереница спускается наконец к самой реке, и каждая из участниц процессии умывает себе руки речной водой. Петрарка удивлялся этому обычаю и не мог правильно истолковать его. Между тем, символическое значение его очевидно. Умывая руки в реке, несущей свои воды, а также и те капельки, которые падают с умываемых рук, в далекое море, женщины как бы смывали прочь всякое горе, всякие бедствия, заставляя реку уносить их подальше от города, от их жилищ, от их семейных очагов. В том же городе перед Ивановым днем появлялись на базар пробурлавленные со всех сторон глиняные горшки. Эти горшки быстро раскупались девушками-горожанками. Наполнив их высушенными лепестками роз, девушки вешали горшки где-нибудь повыше, над балконом, под кровлей. Наступал, наконец, ожидаемый вечер,

и они зажигали их, как фонари. Был еще обычай кидать в огонь разные травы и при этом приговаривать, чтобы подобно сгораемой траве сгорело и всякое горе.

Из зимних праздников самым веселым было Рождество. Горожане наряжались, одаривали детей, устраивали процессии. Нарядившись чертями, веселые толпы бродили по улицам, при чем каждая имела своего предводителя или шафера. Один городской совет брал с таких шаферов денежный залог, который пропадал в том случае, если толпа, предводимая тем или другим шафером, совершала какие-либо бесчинства, входила в церкви или на кладбище. В иных, впрочем, городах всякие переряживания запрещались под угрозой строгого взыскания. Много веселились во время карнавала; наконец, в разных городах праздновались различными процессиями дни памяти того или другого святого.

Любимейшим развлечением в средние века были танцы, хотя на них смотрели не всегда благосклонно как духовные лица, так и городские советы. Когда прошло время такой неблагосклонности, городские правители стали давать разрешение на устройство особых танцевальных помещений. Иногда танцы устраивались и в зале городской ратуши, далеко, впрочем, не во всех городах. Танцы разделялись на несколько видов, но все они могут быть сведены к двум: один вид соединялся с прыганьем, отличался, так сказать, большей ширью, удалью; другой — заключался в движениях спокойных, сводился к медленному и плавному круговращению. Собственно танцем назывался второй вид. Танцевали под музыку, но иногда и без неё. В таком случае прибегали к пенью, при чем пел кто-нибудь один или и все присутствующие хором. Постепенно распространился обычай соединять танцы с играми. Если танцы происходили

на свободе летом, по окончании их, играли в мяч. Отсюда некоторые исследователи производят слово *бал* (*der Ball, la balle*—мяч).

Из игр в средние века были известны кегли, шахматы, шашки, кости и карты. Последние первоначально разрисовывались и раскрашивались от руки по установленному образцу и составляли видный предмет промышленности. Во многих городах игра в карты запрещалась. Это происходило от того, что в первое время карты служили только для азартных игр. Например, один из участвующих вынимал какую-либо карту из колоды. На эту карту все присутствующие клали деньги. Если после этого подряд вынимались из колоды три или четыре карты той же масти, вынувший первую карту получал всю поставленную на нее сумму.

Но населению городов были знакомы и более высокие развлечения: они слушали песни мейстерзингеров и смотрели мистерии.

Вместе с развитием промышленности и торговли, с обогащением городов и улучшением их внешнего вида, подвигалось вперед и умственное развитие городского населения. Когда в княжеских дворцах и рыцарских замках стали замолкать, раньше гремевшие в них песни любви, поэзия перешла в города. Но она изменила здесь свой характер, превратилась в особую науку. Пение мейстерзингеров (мастеров-певцов) изучалось методически, по известным правилам. Мастера приняли за образец позднейших миннезингеров (певцов любви). Подобно людям, занимающимся одним ремеслом, поэты-горожане составляли целые общества, подобные цехам. В XIV веке им были дарованы (императором Карлом IV) известные права. После этого они стали быстро размножаться. Образцом для всех подобных обществ послужили певческие цехи Майнца, Франкфурта, Страс-

бурга, Нюренберга, Регенсбурга, Аугсбурга и Ульма. В одном городе певческое общество составлялось из представителей от разных ремесленных цехов, в другом — из мастеров одного и того же ремесла. Их поэзия сводилась, в сущности, к стихосложению. её эстетическое значение не велико. Но все же песни мейстерзингеров имели огромное влияние на городское население, просвещали, облагораживали его. „Они — по выражению одного известного немецкого писателя — служили хотя до некоторой степени соединительным звеном между будничным реализмом мастерской и миром идеалов". Все же они отрывали человека от житейских попечений, от ежедневной обстановки, от прозаических стремлений и давали некоторую пищу душе. Песни мейстерзингеров отличались нередко весьма возвышенным характером и теплотою чувства. они составлялись только по известным образцам, которые были занесены в особую книгу правил стихосложения, известных под названием табулатуры (die Tabulatur). „В этих правилах — говорит тот же писатель — размеры стихов назывались зданиями, мелодии тонами или напевами, причем попадаются странные вычурности. Таким образом, были синий и красный тон, желтофиолетовый мотив, полосатый шафранный мотив, желтый мотив львиной кожи, короткий обезьяний мотив, жирный барсучий мотив". Ошибки против того или другого правила табулатуры назывались у них также весьма странно: слепое мнение, липкий слог, подставка, клещ, лжецветы... Тот из певцов, который еще не усвоил табулатуры, назывался учеником; кто знал ее — другом школы; кто умел петь несколько тонов — певцом: кто сочинял песни по чужим тонам — поэтом; кто изобретал новый тон — мастером. Поступавший в общество мейстерзингеров давал обет оставаться верным искусству, соблюдать честь общества, поступать всегда

мирно, не осквернять песней мейстерзингеров пением их на улице. Потом он вносил определенную сумму денег и ставил две меры вина на угощение. На обыкновенных сходках мейстерзингеров, и когда собирались они в винных погребах, им разрешалось петь светские песни. Но во время торжественных собраний своих, в так называемых „праздничных школах" (Festschule), происходивших в церквях раза три в год, они пели исключительно духовные песни, сюжеты которых почерпались из Библии или священных преданий.

Обыкновенные собрания происходили вечером в Субботу и Воскресенье. Местом сходки была ратуша или церковь. Слушатели были почетные бюргеры, мужчины и женщины. Очистившись от пыли и грязи мастерской, стихотворцы-ремесленники являлись сюда в праздничных одеждах. Главные места за столами занимали старшины общества (das Gemein): то были — казначей, ключарь, оценщик (критик) и раздаватель наград. На кафедре помещался певческий стул, на который садился каждый из участвующих в программе данного вечера. Один пел о небесном Иерусалиме, другой — о сотворении мира, третий описывал Господа Бога, Живого от века до века и восседающего на престоле, у подножия которого воздают Ему честь, хвалу и благодарение лев, телец, орел и ангел. Пели также „о борьбе с турками, врагами христианства", „о трех достохвальных крестьянках". Иногда выступал певец с обличением современников в их порочной жизни. Во время пения оценщик со своими помощниками внимательно следили за ним, замечали достоинства и недостатки, а потом высказывали свое суждение. Если певец признавался достойным награды, он получал венок, сделанный из золотой или серебряной проволоки. За лучшее пение вручали его исполнителю бляху с изображе-

нием на ней царя Давида. Бляха эта прикреплялась к золотой цепи, которую надевали на шею. Самые лучшие песни вносились в особую книгу, хранившуюся у ключаря.

После торжественного собрания мейстерзингеры отправлялись обыкновенно в какую-либо корчму, чтобы провести вместе остаток радостного дня. Вот что рассказывает один из современников знаменитейшего мейстерзингера Ганса Сакса, родившегося в конце XV века, о собрании мейстерзингеров в корчме „В корчме — говорит он — пили вино, которое одни, как например, мейстер Кортнер (певший неудачно о сотворении мира), ставили в вид штрафа, а другие, как мейстер Бегайм, — в знак чести, потому что Бегайм получил награду в первый раз. Мейстерзингеры в числе шестнадцати человек вышли из церкви попарно и направились к корчме. Бегайм с венком на голове открывал шествие. Он обязан был наблюдать за порядком, а все остальные должны были повиноваться ему все равно как одному из меркеров *). Эти разряженные посетители представляли странную противоположность с корчмою, ветхою и закопченной внутри и снаружи. В длинной комнате стояли простые столы и скамьи, подобные тем, какие бывают в деревенских садах. Но веселое расположение духа да стакан доброго вина скрывали различные недостатки. Бегайм сидел на почетном месте... Я сидел возле Ганса Сакса. Теснимый соседями, я пододвинулся к нему вплоть и тут только рассмотрел его праздничный наряд. На нем была куртка цвета морской волны с многочисленными прорезями на груди; через прорези проглядывала рубашка, воротник которой, со многими складками, охватывал шею кругом. Рукава были из черного атласа и

*) т. е. старшин, выше поименованных нами.

пышно располагались вокруг руки, благодаря пластиночкам из китового уса; подобно куртке, были прорезаны и рукава, из-под которых поэтому видна была подкладка. Посреди стола стоял боченок. Один из мастеров был обязан цедить из него вино".

Одним из участников предложен был вопрос: „скажите мне друзья, если знаете, кто самый искусный работник?"

Jhr, Freunde, saget mir, wenn ihr wisst,
wer wohl der künstlichste Werkmann ist?

Конечно, это—плотник, отвечал один из мастеров стихами, кто же когда-либо мог сделать подобное тому, что сделал он? Благодаря снурку и наугольнику, плотнику известны и высочайшие зубчатые стены и самое глубокое дно... Он построил крепкий ковчег, в котором находился патриарх Ной; в то время, когда кругом бушевали волны, Ной отдыхал в полной безопасности... По мудрым указаниям он построил Божий город, Иерусалим, величественный и великолепный дворец мудрого Соломона. Подумайте наконец о лабиринте: кто же искуснее Дедала? *)

Das ist fürwahr der Zimmermann;
Wer hat es ihm jemals gleichgethan?
Durch Schnur und Richtscheit ward ihm kund
die höchste Zinn und der tiefste Grund...
Er zimmerte die starke Arch.
darin Noas war, der Patriarch:
wie rings auch brausete die Flut.
er ruhte in ihr in sicherer Hut...
Er zimmerte nach weisem Rat
Jerusalem, die Gottesstadt,
des weisen Salomo Königshaus.

*) Греческий художник Дедал построил, по преданию, на острове Крите огромное здание с многочисленными, запутанными коридорами.

das führte er mächtig und prächtig aus.
Denkt an das Labyrinth zum Schluss:
Wer ist geschickt wie Dädalus?

Другой из присутствующих воспел каменщика, „строящего на оборону всем крепкие стены и башни и воздвигающего своды, что высоко поднимаются в воздушном пространстве“. К тому же дерево гниет, а камень остается камнем: каменщик должен быть на первом месте.

Das Holz verfault, der Stein bleibt Stein:
Der Steinmetz muss der erste sein.

Певец упомянул и о падающей Пизанской башне, и о высоком храме Иерусалимском, о Вавилонской башне, что возвышалась до небес, о гробнице царя Мавзола *), о пирамидах, искусственных горах, которые превышают все другие работы.

Die Pyramiden, die künstlichen Berg,
Sie überragen weit alle Werk.

Ганс Сакс, возражая певшим до него, воспел живописца, который воспроизводит то, что Господь Бог создал в начале призывом Своего Божественного Слова, — траву, листву, цветы на полях и в лесу, летающую по воздуху птицу, самый лик человеческого, который в работе живописца является совсем как живой. Живописец властвует над всеми стихиями, над яростью огня, над морскими волнами, изображает дьявола, ад и смерть, рай, ангелов и Самого Бога, открывая все это нашему взору таинственным своим искусством: красками, светом и тенью...

...was zu Anfang Gott erschuf
durch seines gottlichen Wortes Ruf.

*) Мавзол — карийский царь, правил с 377 — 353 до Рождества Христова. Его гробница считалась у древних одним из семи чудес света. От имени царя Мавзола производят слово мавзолей (надгробное сооружение).

das schaffet der Maler zu aller Zeit:
 Gras, Laubwerk, Blumen auf Feld und Heid,
 den Vogel, wie in der Luft er schwebt,
 des Menschen Antlitz, als ob er lebt.
 Die Elemente beherrschet er all,
 des Feuers Wut, des Meeres Schwall.
 Den Teufel malt er, die Höll und den Tod,
 Das Paradies, die Engel und selbst Gott,
 das macht er durch Farben, dunkel und klar,
 mit geheimen Kunsten euch offenbar.

Один из певцов возразил Гансу Саксу следующе-
 щее: „огонь, изображенный живописцем, не согревает
 нас; солнце его не дает ни света, ни блеска; в пло-
 дах его нет ни вкуса, ни сока; травы его не имеют
 ни запаха, ни целебной силы; у его животных нет
 ни мяса, ни крови; вино его не придает ни веселья,
 ни мужества”.

Sein gemaltes Feuer warmt uns nicht,
 seine Sonne spendet nicht noch Licht,
 sein Obst hat weder Schmak noch Saft,
 seine Kräuter nicht Duft und Heilungskraft,
 seine Tiere haben nicht Fleisch noch Blut,
 seine Wein verleiht nicht Freud und Mut.

Но Ганс Сакс привел еще три доказательства
 в пользу живописца: „Он напечатлевает в нашей
 памяти все то, что история хранит, как драгоценный
 завет предков... он учит, что злоба приносит
 несчастье, а благочестие — почет и счастье... наконец,
 всякое искусство находит свое основание в живо-
 писи: каменщик, золотых дел мастер и столяр,
 резчик, ткач, архитектор, никто не может обой-
 тись без неё, почему древние и считали ее за лучшее
 искусство”.

Was bewahrt die Geschichte als teures Vermächtniss,
 Das prägt sie uns em in unser Gedächtniss...
 er lehret, wie Bosheit uns Missgeschick,
 wie Frömmigkeit bringet Ehr und Glück...

Der Steinmetz, Goldschmied und der Schreiner,
Hornsclineider, Weber, der Werkmeister, keiner
entbehret sie je, weshalb die Alten
sie für die herrlichste Kunst gehalten.

Так пел поэт. Его противники замолчали. „Исполненный искреннего удовольствия — говорит современник — я ударил его по плечу и дал ему понять, что он пел по душе мне. Все рукоплескали ему, и Михаил Бегайм не был тут последним. Он снял с себя венок и надел его на голову Ганса Сакса, талантливого нюрнбергского башмачника”.

Кроме песен мейстерзингеров, духовное наслаждение доставляли горожанам мистерии. Мистериями назывались театральные представления на сюжеты, заимствованные из Священного Писания. Сперва они составляли часть той или другой церковной службы и разыгрывались в церквях, а потом перешли на кладбища и городские площади. Актерами были духовные лица, воспитанники и члены особых обществ, составлявшихся с этою целью. Со временем их стали разыгрывать странствующие актеры. На площади устраивалась досчатая эстрада, а на ней — сцена, открытая со всех сторон и защищенная от непогоды лишь кровлей. На эстраду вела лестница. Воображению зрителей предоставлялся полный простор. Обстановка сцены была незатейлива до крайности. Если требовалось изобразить холм или гору, ставили бочку, а зрители уже понимали, в чем дело. Костюмы актеров были обыкновенные, т. е. современные не изображаемому событию, а зрителям его. Только лица, представлявшие Бога Отца, ангелов и апостолов, одевались в священные одежды, а Христос изображался в виде епископа. Игра начиналась с того, что действующие лица выходили на сцену и занимали свои места при звуках музыки. Затем всех призывали к порядку, и начинался пролог, который приглашал зрителей

помолиться Богу, чтобы предпринимаемое дело имело успех. Представление заканчивалось иногда хоровым пением, в котором принимали участие все присутствующие. Например, одна мистерия, изображавшая жизнь Христа Спасителя до самого Вознесения, заканчивалась эпилогом, представлявшим триумф Христовой Церкви. На сцену выходили два действующих лица, под которыми истолкователь, всегда находившийся при сцене, просил разуть Церковь и Синогу. Первая была окружена христианами, вторая — евреями. Между Церковью и Синоггой начиналось прение о вере, о превосходстве той или другой веры. Тут же на сцене стоял и Св. Августин. Тогда несколько евреев, убежденных речами Церкви в превосходстве христианской веры, подходили к Св. Августину и просили его, чтобы он крестил их. Желание их приводилось в исполнение. При виде этого, Синогога затягивала жалобную песню, и венец падал с головы её. Церковь отвечала гимном торжества. Св. Августин приглашал всех зрителей присоединить к этому пению и свои голоса. Получался грандиозный финал.

Для некоторого ознакомления с мистериями, остановим свое внимание на 2 — 3 отрывках из „мистерии о десяти девах“. Архангел Гавриил предупреждает дев о скором приходе жениха-Христа. Каждая строфа его речи, кратко излагающей земную жизнь Спасителя, заканчивается словами: „некогда было спать жениху, которого вы ожидаете“. Неразумные девы приходят к мудрым и говорят им:

„Мы, девы, пришли к вам. Мы пролили масло по своей небрежности. Мы хотим просить вас, как сестер своих, на которых мы полагаемся. Достойные сострадания, жалкие, мы слишком долго спали“.

„Вы можете нас небу возвратить, хоть с

нами, несчастными, и случилась беда; ведь мы — ваши спутницы, ведь мы — ваши сестры. Дстойные сострадания, жалкие, мы слишком долго спали".

„Уделите масла для наших лампад, будьте милостивы к неразумным, чтобы не были мы прогнаны от дверей, когда жених позовет вас в чертоги. Дстойные сострадания, жалкие, мы слишком долго спали".

Мудрые девы посылают неразумных к купцам, которые торгуют маслом. Купцы отказывают им и направляют их снова к мудрым девам. Неразумные изливают свое горе в следующих словах.

„Увы, несчастные! До чего дошли мы! Мы не находим того, что ищем. Нам не суждено быть на свадьбе. Дстойные сострадания, жалкие, мы слишком долго спали".

„Услышь, жених, голоса рыдающих, вели отпереть двери и для нас, исцели наше горе!"

После этого, приходит жених-Христос и говорит им:

— Аминь глаголю вам, не знаю вас, потому что нет с вами света, а все, скрывающие его, уходят, далеко уходят от порога этого чертога *). Идите прочь, жалкие, несчастные. Обречены вы на вечные муки и будете низвержены в ад. —

Тогда являются демоны, хватают их и низвергают в ад.

В одной из пасхальных мистерий изображается Мария Магдалина до обращения ко Христу и после обращения. Сперва она воспеваает мирские удовольствия

*) Amen dico, vos ignosco,
nam caretis lumine:
quod qui mergunt, procul pergunt
hujus aulae limine.

и объявляет, что признает лишь одну заботу — заботу о своем теле. „Наслаждения мирские — поет она — сладки и приятны; обращение с миром усладительно и прекрасно; я хочу сгорать от постоянного желания мирских утех, веселья мирского избегать не желаю. Я готова положить свою жизнь за мирскую радость; не заботаюсь ни о чем другом, я стану заботиться только о своем теле, его я разукрашу различными красками" *). Она отправляется к купцу, покупает себе снадобья, придающая свежесть лицу, покупает духи. Накупив всего, зачем она приходила к купцу, Магдалина возвращается домой. Здесь ей во сне является ангел и объявляет, что в доме Симона находится тот Иисус Назорей, который отпускает народу грехи. Ангел исчезает, а Магдалина, проснувшись, поет ту же самую песнь о прелестях мира и снова засыпает. Видение повторяется и на этот раз производит в Магдалине полный переворот. Проснувшись, Магдалина начинает сокрушаться о своих грехах. „Увы! прошедшая жизнь, жизнь полная зол, постыдный поток, губительный источник! Увы, что стану я делать, несчастная, исполненная грехов, оскверненная нечистой скверной пороков?" **) Сбросив с себя пышные наряды, она одевается в черное платье и приходит к купцу за дорогими ароматами. Потом она отправляется в дом Симона и поет со слезами:

*) *Mundi delectatio dulcis est et grata;
cujus conversatio suavis et ornata;
mundi sunt deliciae quibus aestuare
volo, nec lasciviam ejus evitare.
Pro mundano gaudio vitam terminabo;
bonis temporalibus ego militabo:
nil curans de ceteris, corpus procurabo.
variis coloribus illud perornabo.*

**) *Heu! vita praeterita, vita plena malis,
fluxus turpitudinis. fons exitialis!
Heu! quid agam, misera, plena peccatorum,
quae polluta polleo sorde vitiorum?*

„теперь я пойду к врачу, я — позорно больная, требующая врачебной помощи! Мне остается принести к нему слезные обеты и сердечные сокрушения. Я слышу, что он исцеляет всех грешников" *). Дальнейшее действие согласно с Евангельским повествованием о грешнице. (Наиболее подробное в Ев. Луки, VII, 36—50).

Мистерии понемногу начинали терять свой религиозный характер, но совершалось это постепенно: мало-помалу привносилось в них светское начало, стали отражаться в них различные современные события. В одной пасхальной мистерии, разыгранной в XV веке в г. Висмаре, представлен Люцифер. Он сидит в бочке, которая должна изображать ад. Видя, что все его планы рухнули, так как Христос пострадал и воскрес, и дело Искупления совершилось, он приходит в страшную ярость. Он рассылает подвластных ему демонов во все концы земли, чтобы они соврашали людей с пути истины и таким образом лишали их вечного блаженства. Демоны не надеются на успех и своими сомнениями делятся с повелителем. Тогда Люцифер посылает их всех в Любек, в котором, без всякого сомнения, они найдут обильную жатву. Дело в том, что в ту пору, когда разыгрывалась настоящая мистерия, Висмар находился во вражде с Любеком.

В том же XV веке воспитанники высших школ и студенты университетов разыгрывали в некоторых городах комедии римского поэта Теренция. Само собою, что эти комедии переделывались, и большая часть их переводилась на немецкий язык. Народ очень любил подобный театральные представления: чтобы посмот-

*) Ibo nunc ad medicum, turpiter aegrota,
medicinam postulans! lacrimarum vota
huic restat ut offeram et cordis plangores,
qui cunctos, ut audio, sanat peccatores.

реть на них, сходились в город и жители окрестных мест.

Волшебство и тайная философия.

Прежде чем говорить о вере в чудесное, сверхестественное, в колдовство и чары, вере, проявлявшейся всегда и везде, но особенно характеризующей средние века, необходимо сказать несколько слов о мировоззрении средневекового человека.

Он представлял себе, что Земля расположена в самом центре Вселенной, составляет как бы её ядро. Её окружают одна за другою десять сфер, десять колоссальных шаров, помещающихся друг в друге. В семи первых, ближайших к земле сферах с неодинаковой скоростью вращаются по кругу Солнце, Луна и пять планет. Их круговращение сопровождается чудесной музыкой, музыкой сфер. В восьмой сфере расположены прочие светила: одни из них, бестелесные и невесомые, свободно носятся в пространстве, другие прикреплены к своду сферы. Девятая сфера — кристаллообразная, десятая — пламенная (Емругеум); в последней царствуют Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой, и живут главнейшие святые, остальные распределены, смотря по степени их совершенств, в других небесных сферах. Денно и ночью святые угодники с лучезарными венцами на головах, в белых и радужных одеяньях, воспевают Творца и предстательствуют за людей. Все эти сферы — обиталище Бога, святых и ангелов. Противоположность ему составляет обиталище сатаны, падших ангелов и отверженных душ — ад, находящийся в центре Земли. Таким образом, по средневековым воззрениям, существуют два царства: царство Божие — цар-

ство света, и царство сатаны—царство тьмы. Эти царства постоянно враждуют между собою. Все существующее в мире, все происходящее в нем, имеет свое начало в каком-либо из них. В мире проявляется действие двух сил: силы света и силы тьмы. Как ангелы светлые имеют свой определенной образ: лучезарные, прекрасные, легкокрылые, переносятся они, по повелению Божьему, с одного места на другое; так и посланники сатаны должны иметь свой собственный вид: они наделялись в средние века теми внешними признаками, которыми обладали когда-то, в греко-римском мире, фавны, сатиры и кентавры, а именно — рогами, козлиными ногами, копытами, шерстью. Как ангелы прекрасны, так посланники сатаны отвратительны. Однако, в силу особенных свойств своих, они могут принимать на себя любой образ, превращаться в какую угодно форму. Как существовали люди, своей жизнью заслужившие особую милость Божью, так появляются порой люди, которые сближаются с сатаной, входят в особые сношения с ним, заключают с ним особенные договоры. Сатана за это покровительствует им и через них творит в мире зло. Люди, по средневековым понятиям, сносились с нечистой силой из различных целей: для получения красоты, славы, богатств или таких познаний, которые никому недоступны, которые может открыть только „черная магия“. Так называлось колдовство *).

Жил-был когда-то „муж великого ума и быстрого соображения, способный и расположенный учиться“. Звали его Фаустом. Он сделался ученым богословом, но богословие не удовлетворило его. „Священное писание — говорит народная легенда — он забросил далеко за дверь или положил под лавку, ибо он имел

*) Черная магия — nigromanzie, necromantie — (греческое *νεκρομαντεία*) заклинание мертвых, вызывание их с целью гадания о будущем.

безрассудную и надменную голову, и его звали всегда созерцателем". И стал он рыться в книгах черной магии. „Он привязал к себе орлиные крылья и хотел исследовать и небо, и землю, все до основания". Но откуда узнать все это? И вот он решился обратиться к сатане, вызвать его, а как вызывать дьявола, он вычитал из таинственных книг. Он пошел ночью в густой лес и стал вызывать нечистого духа. Сначала дух не повиновался, но потом стал показываться в различных образах, страшных и ослепительных, наконец принял вид седого монаха. То не был сам сатана, но один из подвластных ему духов, по имени Мефостофель (Mephostophiles, откуда у Гете Мефистофель). Последний, познакомившись с Фаустом, приглашает его на свидание в следующую полночь. Происходит второе свидание. Фауст ставит свои условия: он хочет, чтобы исполнялись все его желания, чтобы дьявол всегда сопровождал его и был бы видим только ему одному. Дух тьмы также ставит условия: Фауст должен отпасть от Бога, возненавидеть христианскую веру и, по истечении установленного срока, отдать свою душу сатане. Они ударяют по рукам. „В этот час отпадает от Бога этот нечестивый человек. Отпадение это — продолжает народная легенда — есть не что иное, как его высокомерная гордость, отчаяние, смелость и дерзость. С ним было то же, что с великанами, о которых пишут поэты, что они хотели поставить горы на горы и воевать с Богом, или даже то, что случилось со злым ангелом, который восстал против Бога. Кто хочет высоко вознестись, тот падает глубоко вниз". Злой дух не верит слову Фауста и требует расписки. Фауст делает надрез на своем теле, извлекает несколько капель крови и пишет ими требуемую расписку. Но в самый решительный момент он получает предостережение от

своей собственной крови. Капелька крови изображает два слова; „беги, человек!" Но все напрасно, и договор был заключен. Продав свою душу сатане, Фауст приобрел временное благополучие: он становится знаменитым астрологом, прорицателем, предсказателем погоды, и все его желания исполняются. Нечистая сила деятельно помогала ему в различных обстоятельствах его жизни. Раз Фауст занял у одного еврея значительную сумму денег и обещал отдать ему через месяц или деньги, или свою правую ногу. Прошел месяц. Фауст не мог или, лучше сказать, не хотел уплатить долга. Безжалостный еврей отрезал ему ногу. Но скоро отрезанная нога начала разлагаться, тогда еврей бросил ее в реку. Недолго спустя после этого, Фауст призвал к себе еврея и, предлагая ему деньги, потребовал у него свою ногу. Еврей объявил с ужасом, что бросил ее в реку. Фауст засмеялся и сказал ему: „ну, проклятый жид! в таком случае я тебе не заплачу". Не успел еврей выйти из комнаты Фауста, как последний стоял уже на обеих ногах. В одном винном погребе Фауст угощал своих гостей винами всех сортов, пробуравливая перед каждым гостем отверстие в столе, а из отверстия вытекало" любое вино, по желанию. В другом винном погребе (в Лейпциге) Фауст держал с хозяином пари, говоря, что он, без всякой помощи, может вынести из погреба большую бочку вина. За такой подвиг хозяин обязывался подарить ему эту бочку. Разумеется, хозяин согласился. Но каково же было его изумление, когда Фауст сел на бочку верхом и вылетел на ней из погреба! Бочка была после этого живо опорожнена Фаустом и его товарищами-студентами. Но вот настал срок договора с нечистой силой, В полночь поднялась страшная буря, в комнате Фауста слышались вопли и стук. На приятелей Фауста, спав-

ших в соседней комнате, напал такой страх, что они не осмелились войти к Фаусту. Страшная ночь миновала, а с ней миновал и ужас. Когда рассвело, они вошли в комнату Фауста и увидели, что и стены, и столы были обрызганы кровью, а Фауста не было. Потом нашли его труп на дворе, растерзанный, с раздробленной головой; нечистая сила, овладев душою Фауста, вытащила его труп из комнаты и выбросила на двор. — Сказание о Фаусте вполне верно характеризует средневековые верования в нечистую силу, средневековые воззрения на черную магию.

По тогдашним понятиям, договор с нечистой силой могли заключать и женщины. Такие женщины, отрекшиеся от Христовой веры и отдававшиеся сатане, назывались ведьмами. Ведьмы занимались колдовством. Подозрение в колдовстве могло быть возбуждено всем, от самого великого до самого малого, от самого важного до самого смешного. И в необыкновенной красоте, и необыкновенном безобразии, и в выдающейся глупости и выдающемся уме — во всем могли найти признаки колдовства, сношений с нечистой силой. Я расскажу вам правдивую историю одной женщины, которую провозгласили ведьмой, которая и сама считала себя таковою. Жила эта женщина немного позже того времени, к которому приурочиваются настоящие очерки, но в её истории встречаются такие черты, которые придают ей общее значение. Звали эту женщину (Abelke Bleken) Абелькэ Блекен. Она была дочерью крестьянина. Кто видел хоть раз её розовое личико, тот и во время зимы испытывал светлое весеннее чувство, вызывавшееся воспоминанием о ней. Она была радостью и утехой своих родителей. Все любили ее. Много женихов искали её руки, но она не хотела выходить замуж. Прошли годы. Родители её умерли. На оставшиеся после них деньги она купила себе домик, завела хозяйство и жила, как го-

ворится, припеваючи, в полном довольстве. Только живет она одна-одинешенька. Вот и стала распространяться молва, что Абелькэ ждет своего жениха, который служил прапорщиком в наемном войске и ушел с ним в дальнюю сторонку, но обещал вернуться и жениться на Абелькэ. А годы все шли да шли

за годами. Абелькэ по-прежнему живет одиноко, и все-то у ней идет хорошо; щедро она одаривает нищих, а еще щедрее бедных солдат. Когда она бывает на людях, в гостях, на какой-нибудь пирушке, она веселится со всеми. Когда же остается одна в своей горенке, подолгу сидит грустная на одном

месте и горько, горько плачет. И стали рассказывать люди, что, выходя попозже вечером из города, видывали ее в поле, на перекрестке дорог, у креста, или у каменной голгофы *), как она стоит там, смотрит в даль, которую заволакивают вечерние сумерки, и ломает себе руки, и громко вздыхает... А годы все шли за годами. Много было пережито людьми радостей, много было вынесено и горя. Из её добрых соседей, друзей её юности, многие уже покоятся вечным сном под каменной плитой, под сенью древесной: свежий ветерок шевелит веточки и листья, тени их движутся на могиле, залетная птичка отдыхает над нею и поет свою милую песенку. Все чужие люди вокруг. Они не знают, как хороша, как добра была Абелькэ. Голова её поседела, стройный стан её сгорбился, очаровательные черты и краски лица исказились и поблекли; только одни глаза светятся чудным огоньком. Подозрительно смотрят встречающиеся с нею люди на этот чудный огонек. Живет она теперь совсем одиноко. С нею живет её любимый кот, жметя у ног её, мурлычет ей свои песенки. И стали ходить про неё недобрые слухи. Кто-то пустил слух, что по ночам в трубу, чернеющуюся на крыше её дома, влетает огненный дракон. Все стали сторониться её. На улице делают вид, что её не замечают или едва-едва отвечают на её приветствие. Тогда она стала еще более замыкаться в своем домике и только по вечерам выходила на дорогу, где висится каменный

*) Благочестивые люди, совершавшие путешествия в Святую Землю, по возвращении оттуда нередко в воспоминание ставили сооружение вроде часовен, с изображениями, имеющими отношение к страданиям и крестной смерти Спасителя. Один из ратманов Любека воздвигнул во второй половине XV века несколько подобных сооружений вне городских стен. Наш рисунок представляет точный снимок одного из них. На нем изображен Христос на Голгофе. Мать подвела своего ребенка и рассказывает ему о смерти Спасителя.

крест, или на кладбище. Сперва еще она посещала церковь, но и там всякий боится стать с нею рядом; перестала она и в церковь ходить. Нищие перестали принимать от неё милостыньку, отдают ее назад и начинают после того усердно креститься, как будто

открещиваясь от нечистой силы; перестала она подавать милостыню. Уже нищие не поют больше перед дверью её дома молитвы Господней. Наконец и старые слуги покинули ее. Хозяйство Абелькэ расстроилось, град побил её жатву, гроза сожгла её дом.

её двор и пашня были проданы, и она сделалась нищею. О чем раньше говорили потихоньку, стали теперь говорить вслух: Абелькэ Блекен — ведьма. Тяжело было жить бедной женщине. Но она не смирилась; в её груди зажглось пламя мести. „Если они поступают со мной, как с ведьмой, хорошо же, я и буду ведьмой, и стану им вредить, наносить им всякое зло, всякое горе". Она задумала обратиться к волшебству, хотя и знала, что за это ей будет грозить смерть. Смерть все же лучше той жизни, которую она вела. И вот она сошлась с одной известной колдуньей: колдунья эта умела завязывать магические узлы, приносявшие людям несчастье. Она сошлась с пастухом, которому были ведомы травы и коренья волшебного свойства. Нашлись у неё и еще союзники, такие же бедняки, такие же несчастные, как она сама. И стала наша Абелькэ колдовать, опаивать вредными травами, вредить людям, пока, наконец, она не попала в руки судей. И вот она стоит перед ними в оковах. На судейском столе — распятие и Библия. Тут же около — палач. „Хочешь ли ты — спросил ее судья — воздать поклонение Богу и сознаться открыто, что ты заключила с дьяволом союз, что ты — проклятая ведьма?" В темных глазах несчастной женщины вспыхнул огонек злобной насмешки. Лицо её покрылось смертельной бледностью. — Нет, не хочу... — отвечала она. Прибегли к пыткам. Страшная боль, необыкновенное нервное расстройство заставили ее говорить. И она, Бог знает, что наговорила на себя. Она даже называла по имени нечистого духа, будто бы являвшегося ей. Ответы, дававшиеся ей, были записаны судьями и сохранились до нашего времени. Пытки и ужасная тюрьма сделали свое дело. А тюрьмы тогда были ужасны. В этих конурах устроены были большие, толстые доски, поднимавшиеся и спускавшиеся на винтах; в досках были прор-

заны дыры, а в них продевали руки и ноги заключенных, так что последние были совершенно лишены употребления своих членов. В тюрьмах бывал такой холод, что ноги у арестантов иногда совсем отмерзали. В некоторых господствовал постоянный мрак. Подобная тюрьма довела бедную Абелькэ до отчаяния. Над нею был произнесен

обычный приговор. На городской площади был разложен костер, а на этом костре была сожжена несчастная Абелькэ Блекен. Она была не первая и не последняя. Подобных ей, таких же несчастных и так же оканчивавших свою жизнь было немало *).

*) Рисунок, представляющий копию со старинной гравюры, изображает различные пытки.

В средние века суеверие вторгалось даже в область науки. В этом отношении особенно обращают на себя внимание астрология и алхимия. Астрология, унаследованная новыми народами от глубокой древности, учила читать таинственным письмена полночного неба, гадать по положению небесных светил. Астрологи старались обыкновенно угадать будущность человека. И вот, когда рождалось в какой-либо семье дитя, а родители желали узнать, будет ли оно счастливо или нет, они обращались за ответом к астрологам, просили их составить *гороскоп* *) новорожденного. Составлялся гороскоп таким образом. Все небесное пространство астрология разделяла на двенадцать областей, которые назывались небесными домами. Один из них был домом жизни, другой — богатства, третий — здоровья, почестей и т. д. Звезды предсказывали новорожденному ту или другую будущность уже самым положением своим в известной области. Кроме того, каждое светило имело еще свое частное значение и влияние на судьбу человека. Кто рождался под знаком Марса, тому суждено было сделаться героем, знак Меркурия сулил богатства и т. д. Собрать все данные в одно целое, истолковать их мнимый смысл и значило составить гороскоп.

В заключение заглянем в лабораторию алхимика. Над городом спустилась ночь, погасли огни в домах, протянулись через улицы цепи, только кое-где теплится огонек перед изображением Девы Марии. Да на краю города, в глухом переулке светится огонь сквозь круглые стеклышки отдельного домика, и несется дымок из трубы. Толкнем перед собою дверь, перешагнем за порог этого дома. Перед нами

*) От греческ. слов *ὥρα* час *σκοπεῖν* смотреть. Так назывался результат наблюдений, производившихся астрологом над состоянием неба в тот самый час когда родился ребенок.

подобие какой-то мастерской. В углу — большой очаг, а на нем разложен огонь, озаряющий причудливую обстановку комнаты. Кругом — стеклянки, разнообразные сосуды, колбы, металлические стержни, большие книги в тяжелых кожаных переплетах с застежками. Среди этой обстановки движется человек в длинном темном одеянии, с шапочкой на голове, с огромной белоснежной бородой. По временам он отходит от своего стола, поставленного вблизи очага, садится у последнего и начинает раздувать мехами убавляющийся огонь на очаге. Тогда пламя вспыхивает, ярче озаряет комнату, а там над крышей увеличивается дым, и вылетают иногда искорки. Что это за человек? Чем он занят? Это и есть алхимик. Уже много лет занимается он здесь, отыскивает философский камень, трудится над составлением жизненного эликсира, т. е. такого средства, которое сделало бы людей бессмертными или, по крайней мере, значительно продлило бы их жизнь. Алхимики полагали, что всякий металл состоит из двух частей — серы и ртути, что несколько металлов, соединенных вместе, могут образовать один металл; например, золото может быть добыто из соединения нескольких простых, неблагородных металлов. Главная цель алхимиков сводилась к тому, чтобы отыскать, в каких размерах необходимо смешивать эти металлы. А для этого необходимо разложить золото на составные части или с помощью какой-либо кислоты, или при посредстве огня. В возможность отыскать разрешение данной задачи, найти, как тогда выражались, „философский камень" верили даже лучшие и самые светлые умы. Общество, конечно, вполне разделяло эту веру. Короли давали алхимикам даже особые грамоты, особые патенты, уполномочивали их отыскивать средство „превращать неблагородные металлы в золото и серебро". Кроме отыскания

средства делать золото, алхимики занимались еще, как мы говорили выше, составлением жизненного эликсира.

У одного из наших поэтов (графа А. К. Толстого) есть неоконченное произведение „Алхимик“, в котором выведен знаменитый испанский алхимик Луллий. Как-то раз, проезжая верхом через площадь г. Пальмы, — говорит легенда о Луллии, — он был поражен необыкновенной красотой одной дамы, шедшей в собор. Когда она вошла в храм, Луллий, не долго думая, как бы повинувшись какой-то таинственной силе, въехал туда же на коне...

Раздался шум. Невнятный ропот
Пронесся от открытых врат,
В испуге вдруг за рядом ряд,
Теснясь, отхлынул—конский топот,
Смятенье,—давка—женский крик—
И на коне во храм проник
Безумный всадник. Вся обитель,
Волнуясь, в клик слилась один:
"Кто он, святыни оскорбитель?
Какого края гражданин'?"...

Но всадник, не смущаясь всеобщим волнением и негодованьем, отыскивает ту, которая была невольною виною его проступка, и наконец нашел ее. В пламенной речи он изъяснил ей охватившее его чувство. Чтобы избавиться от безумца, прекрасная сеньора задала ему трудную задачу. По её мнению, для полного счастья им не хватает только одного—бессмертия.

Оно возможно; жизни нить
Лишь стоит чарами продлить.
Я как-то слышала случайно,
Что достают для этой тайны
Какой-то корень или злак,
Не знаю где, не знаю как.
Но вам по сердцу подвиг трудный—
Достаньте ж этот корень чудный,
Ко мне вернитесь—и тогда
Я ваша буду навсегда!

Безумец согласился и сделался алхимиком. Алхимики отдавались своему делу всеми силами души. Целая жизнь посвящалась ему. Недоконченный опыт, прерванный смертью алхимика, переходил в руки его сына. Не редки были случаи, когда внук алхимика получал от своего деда, как дорогое наследство, добытые им результаты и наставления для дальнейшей работы. Алхимики выработали свой собственный таинственный язык. Так, напр., *желтый лев* обозначал на этом языке все желтые сернистые соединения, *красный лев* символизировал киноварь и т. п. В тождественном значении со словом *лев* употреблялось слово *дракон*. *Черный орел* (или василиск) обозначал все черные сернистые соединения и в особенности черную сернистую ртуть. Таинственная на первый взгляд фраза „*черный орел превращается в красного льва*“, переведенная на обыкновенный язык, обозначает, что черная сернистая ртуть может быть превращена в киноварь. Рядом с условным символическим языком у алхимиков были в большом употреблении символические изображения. Так, напр., фантастические саламандры, по мнению алхимиков, жившие в огне, изображались ими в виде ящериц, увенчанных венком и окруженных пламенем. Наивная вера последователей тайной философии населяла все стихийные начала подобными сказочными существами. Сами цвета приобретали в их глазах особенное, таинственное значение. Самым таинственным из них был желтый цвет. Все растения с желтыми цветами, корнями или соком считались представителями золота и солнца. И здесь нередко под заманчивым названием скрывался самый обыкновенный предмет. Под таинственной *золотой тинктурой* разумелся часто настой желтоцвета или подсолнечника. Вообще таинственность была необходимым условием существования алхимиков. Они намеренно затумани-

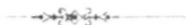
вали свою речь, свои сочинения, как будто опасаясь, чтобы при ясном изложении, их открытия не сделались достоянием простых, непосвященных в тайны их *священного искусства*, смертных. Они как будто стремились затруднить свое искусство и для тех, кто стремился сделаться его поклонником. „Только между этими противоречиями и этой ложью—говорит один из известнейших алхимиков—мы можем отыскать алхимическую истину; только между этих терний мы можем сорвать таинственную розу“. „Скрывай эту книгу—говорит другой алхимик—на груди твоей и не предавай ее в руки невежд, потому что она заключает тайну всех философов"... „Тот, кто откроет эту тайну, умрет от апоплексического удара". Таинственности изложения алхимических книг вполне соответствовали и сами заглавия их. Вот некоторые из этих заглавий: *Договор заоблачного пространства с землею, Недосказанное слово, Истинное сокровище человеческой жизни*. Истинные служители алхимии, конечно, твердо веровали в возможность достижения своей цели и приносили в жертву своему делу и все силы, и здоровье, и самую жизнь. В рассказе о трагической смерти Фауста, любимого героя народной поэзии, несомненно кроется зерно исторической правды. В народной памяти сохранились случаи такой внезапной, загадочной смерти служителей магии. Трудясь над соединениями различных веществ, они легко становились жертвами вызываемых ими самими взрывов. Не умея объяснить этих вполне естественных явлений, народ приписывал их дьяволу и заставлял последнего играть деятельную роль в жизни и смерти алхимиков: так преломлялась действительность в народном воображении; так создавались народные сказания, и в числе их сказание о докторе Фаусте. Но алхимики, витая среди неосуществимых грез, делали попутно весьма важные для науки открытия. Так, на-

пример, тот же Луллий, легенда о котором была только что передана, открыл азотную кислоту. Были, впрочем, среди алхимиков презренные люди, шарлатаны, которые продавали свои мнимые эликсиры за баснословные деньги. Встречались и такие, которые переставали веровать в возможность достигнуть того, к чему они стремились почти всю свою жизнь. Один из них (Агриппа фон Неттесгейм), трудясь долго и усердно над „тайной философией“, как называлась иначе алхимия, объявил, наконец, в одном из своих сочинений, что вся эта тайная философия есть прах и ветер.

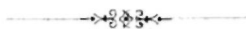
СПИСОК РИСУНКОВ.

	стр.
Рис. 1. Внешние городские стены	5
2. Городская башня в Любеке	7
3. Внутренняя городская стена	11
4. Городская улица	13
5. Портал собора в Любеке	15
6. Готический фасад	17
7. Лестница и фасад ратуши в Любеке	19
8. Оружейник (со старинной миниатюры).	23
9. Мастерская портного (со старинной миниатюры).	25
10. Торговая площадь	27
11. Арфа и цитра (со старинного оригинала).	29
12. Средневековая аптека (со старинного рисунка)	35
13. В погребке	37
14. Здание средневековой ратуши	41
15. Домашний орган (со старинного оригинала)	57
16. Средневековая . . . . . постель	59
17. Страсбургский собор.	69
18. Цеховая хоругвь башмачников	77
19. Самобичевальщики-флагелланты (вдали изображено погребение умерших в 1349 году в Германии от чумы).	87
20. Голгофа	111
21. Ведьмы (со старинного рисунка).	113
22. Пытка (со старинного рисунка).	115

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТР.
Предисловие к 1-му изданию	1
Предисловие ко 2-му изданию	2
Город спит	3
Город пробудился	20
Городской совет	39
Бюргерский дом	51
Свадьба	61
Цехи	67
Самобичевальщики-флагелланты	82
Городские увеселения	89
Волшебство и тайная философия	106
Список рисунков	122

„Петербургский Учебный Магазин“

(СПБ.. Пет. ст., Большой пр., д. № 6)

имеет в продаже следующие сочинения К. А. Иванова:

1) **Средневековый замок и его обитатели**, изд. 2-е, 1898 г., с 37 рисунками. — Предисловие к 1-му изд. — Предисловие ко 2-му изд. — Внешний вид замка. — Посвящение в рыцари. — Внутренность замка. — Пир. — Охота на кабана. — Рыцарское вооружение. — Турнир. — Судебные поединки. — Среди семьи. — Именем фазана. — Заключение — Цена 75 коп.

2) **Средневековый город и его обитатели**, изд. 2-ое, 1900 г., с 22 рисунками. — Цена 75 коп.

3) **Средневековый монастырь и его обитатели**, с 26 рисунками. — Предисловие. — Св. Бенедикт Нурсийский. — Правило жизни монашеской. — Монте-Кассино. — Легенда о Тассилоне. — Монастырская школа. — Школьная жизнь. — Монахи и рукописи. — В женской обители. — Беатриса (средневековая легенда). — Среди книг. — Монахи и природа. — Цена 1 р.

4) **Средневековая деревня и её обитатели**, с 30 рисунками. — Предисловие. — На развалинах Рима. — Рабочий день в деревне. — Воскресенье в деревне. — Из эпохи Жакерии. — Крестьянская свадьба. — История Гельмбрехта. — Деревенские праздники. — Фландрский граф и крестьянин (средневековая легенда). — Цена 75 коп.

5) **История средних веков**. изд. 3-е (переработанное) 1899 г., Цена 80 коп.

6) **История древнего мира**. с 36 рисунками. — Цена 80 коп.

Готовятся к печати:

1) **Трубадуры**, труверы и миннезингеры, с рисунками.

2) История новых времен.

НЕОБХОДИМЫЕ ПОПРАВКИ.

	Напечатано:	Следует читать:
Стран. 20, строка 21 сверху:	20 лет спустя	20 веков спустя.
„ 123, примечание:	трилогия „Орестейя“	недошедшей до нас тетралогии.
„ 134, строка 2 снизу:	Экея	Энея.